

Волкова Дарья

В золотых чертогах Валгаллы

Золотистый бог Локи. И сверкающая Снежная королева. Сколько ступеней разделяет их? И суждено ли ему подняться к ней? А, быть может, ей придется спуститься? Роман о том, как рушатся стены... и ломаются копья... если любовь настоящая.

Глава 1. Танец валькирий

Вальки́рия(др. — исл. valkyrja — «выбирающая убитых») — в скандинавской мифологии — дочь славного воина или конунга, которая реет на крылатом коне над полем битвы и подбирает воинов.

Ветер горстями кидал снег в лицо. От жалящих попаданий колючих снежинок не спасал даже глубоко надвинутый на глаза капюшон пуховика, отороченный по краю пушистыми останками какого-то зверя. Высоко поднимая длинные ноги, Глеб пробирался через сугробы, короткой дорогой от остановки до подъезда. Выйдя, наконец, на расчищенную площадку перед домом, остановился, притопывая и хлопая себя руками, чтобы отряхнуть снег. Подходя к двери подъезда и доставая из кармана ключи, автоматом отметил слегка припорошенную снегом женскую фигуру на лавочке. Не сидится ж людям в такую погоду дома. Мало того, что буран, так еще и холодно, в районе минус пятнадцати.

Из квартиры навстречу промерзшему Глебу дохнуло теплом. И маленьким, но невероятно стремительным телом, которое с истошным мявом кинулось ему под ноги. Весу-то всего три килограмма, но энергия такая, что он покачнулся. В воздух полетело заковыристое ругательство. Еще же с утра помнил, что у Масяни

жрочка кончилась! И так скотинка целый день дома голодная просидела, и еще он с пустыми руками домой приперся. Вздохнув, Глеб вышел обратно. Благо, магазин в двух шагах от дома.

Возвращаясь с пачкой «Вискаса», у подъезда Глеб замедлил шаг. Нет, в этом явно есть что-то ненормальное. Неподвижная фигура на лавочке, еще больше присыпанная снегом, была как будто из другой реальности. Человек, у которого все в порядке, не будет сидеть полчаса, если не больше, на улице. В минус пятнадцать. Когда на улице снег и буран. А ему-то какое дело? Глеб вздохнул. «А кто давал клятву Гиппократу?». Впрочем, дело не в клятве даже. Кто к ней всерьез относится? Дело больше в том, что когда Господь Бог благоразумие раздавал, Самойлов где-то в другом месте ошивался.

Глеб подошел к скамейке, рукой в теплой, кожаной, на меху перчатке очистил место от снега. Присел рядом.

— У вас все в порядке?

Да уж, вопрос на миллион!

Фигура шевельнулась, опущенная голова поднялась. Открывшееся лицо Глебу не понравилось категорически. Может, дело в искажающем свете фонаря над подъездом, но голубая бледность, покрасневшие глаза и сосульки на ресницах вместе представляли собой довольно жалкое зрелище. Если не сказать еще хуже.

— У меня все в порядке, — кажется, синие губы двигаются с трудом.

Ну, да, полный порядок. Заметно невооруженным взглядом.

— Погода неподходящая для того, чтобы сидеть часами на улице. У вас лицо синее.

Молчание.

— Ждете кого-то? Пройдите в подъезд, погрейтесь. Я вам дверь открою.

— Спасибо, — голос сиплый. — Я уже сейчас пойду.

Глеб резко поднялся. Вот и отлично.

— Учтите, у меня окна во двор. Если через пять минут вы не уйдете, выйду с лопатой и закидаю вас снегом. Чтоб глаза не мозолили.

Второй раз Глеб уже был готов к натиску Масяни и даже не шелохнулся. Разулся, помыл руки, наспал кошке корма. Есть не хотелось, у родителей его накормили до отвала, еле отбился от пакета «с собой», пообещав прийти на обед в субботу. Нажал на кнопку включения компьютера. Погонять монстров пару часов и спать.

Может, чаю? Мысль о горячем чае совершенно непоследовательно натолкнуло его на другое. Подошел к окну.

Вот зараза! Так и есть. Сидит, чучело бестолковое. Ну что за дура! Неужели то, что какой-то подлец ее бессовестно бросил, предал, обидел, изменил — нужно подчеркнуть, стоит того, чтоб заработать себе воспаление легких? В том, что причина именно в этом, Глеб нисколько не сомневался. У баб иных поводов для печали не водится. Пошел на кухню и нажал на кнопку чайника.

Натягивая пуховик и ботинки, в который раз порадовался хранящемуся в папке с документами свидетельству о разводе. Мужчины и женщины — две разные расы, чудом оказавшиеся на одной планете. И кроме секса, их не связывает ничего. Теперь придется идти, спасти глупого представителя другой расы. Ведь он же давал клятву Гиппократу.

— Я вас предупреждал, — с этими словами Глеб, не церемонясь, схватил глупое создание за плечи и резко дернул вверх.

Никакой реакции не его действия не последовало. Вот и отлично! Отряхивая с девушки снег, Глеб хлопал по ее плечам, рукам, спине, возможно, излишне энергично, но он был зол. Раздосадован, точнее. Вот что за человек он! Умудряется найти себе приключения на пороге собственного дома! Схватил за руку, потащил к подъезду. Как кукла, честное слово. Впрочем, некстати проснувшегося профессионалу внутри сильно не нравились эта вялость и апатия. Ладно, дома, при хорошем свете, разберемся.

А дома ее еще и раздевать пришлось. И разувать. Провел на кухню, усадил на стул. Ну и что, что бардак и посуда несколько дней не мыта? Он к себе в гости никого не звал! Достал последнюю чистую кружку. Так, лимон, сахар, пакетик чая и кипяток. Разгреб завал на столе перед ней, поставил кружку.

— Пейте.

Никаких, как говорит один его коллега, реакция. Глеб берет ее руки в свои и содрогается от ледяного холода тонких пальцев. Твою мать! Приседает на корточки, прикасается к ступням в тонких, почти невидимых колготах. Кто, бл*, такое носит зимой! Ноги еще холоднее рук.

— Пейте, — повысив голос, рявкает он.

Девушка вздрагивает. Наконец-то. Глеб поднимается с колен, берет кружку, сует в ледяные руки.

— Ай, горячо!

— Хорошо, значит, чувствительность есть, — он ставит кружку на стол и тыкает в нее пальцем. — Пейте! Живо. А я пока таз принесу.

— Зачем?

Все всем надо знать, мрачно думает Глеб, набирая в таз горячей воды.

Приносит на кухню. Отлично, прогресс налицо. Кружка уже в руках. Ставит таз у ног пострадавшей за любовь.

— Ноги в воду!

— А?..

Он забыл про колготки... Такие заметишь, только когда трахать начнешь. Глеб усмехается своим мыслям.

— Снимайте, я выйду. Две минуты у вас.

Уже в дверях кухни оборачивается.

— Пальцы слушаются? Может, помочь?

— Спасибо, я справлюсь.

На кухню вернулся как раз в тот момент, когда серая шерстяная узкая юбка уже опустилась до середины бедра. Господи, коленки какие красные! И бедра все в красных пятнах...

Глеб останавливает ее руки и рывком поднимает юбку выше.

— Что это у вас? — опять приседая на корточки, спрашивает резко, не задумываясь о том, какую реакцию могут вызвать его такие, наверняка странно выглядящие со стороны, действия. Впрочем, у его «гостьи» заморожено все, включая чувство стыдливости. Не делает никаких попыток одернуть юбку.

— У меня аллергия на холод. Холодовой дерматит.

Господи, покарай дур!

— Ноги в таз!!! Живо!

Хоть послушная дура.

Глеб полез в шкаф, достал початую бутылку коньяку. Щедро плеснул себе в кружку. Он заслужил.

Пил коньяк, контролируя, как это чучело уничтожает чай. Дисциплинированно. И на том спасибо. Надо будет еще одну порцию соорудить. И чуть коньку плеснуть.

— Вы доктор?

— А? — Глеб удивился. Первые слова, которые она сама, по собственной инициативе, произнесла. — С чего вы взяли?

— Не знаю, — выражения бледно-голубых, в тон цвету губ и лица, глаз не понять. — Вернее, знаю. Вы точно доктор.

Экстрасенс, мля.

— Доктор, доктор, — бормочет Глеб. — Но не психиатр, учтите. И тут его «пациентка» начинает смеяться. Впрочем, смех тут же переходит в кашель.

Еще этого только не хватало!

— С чего вы взяли, что мне нужен психиатр? — голос после приступа кашля хриплый.

— С того, — отвечает Глеб, вспоминая, где лежит фонендоскоп. Он, конечно, не терапевт, но пользоваться «слушалкой» умеет. Хрипы, если они есть, должен услышать. — Вот скажите мне, неужели он того стоит? — роется в одном из шкафов, в другом.

— Кто стоит?

— Тот, из-за которого вы так упорно пытаетесь заработать себе воспаление легких.

Да где же этот чертов фонендоскоп!

— При чем тут он? — неожиданно задумчиво отвечает девушка. — Просто за некоторые уроки жизнь берет очень высокую цену.

С фонендоскопом в руках Глеб удивленно поворачивается. Неожиданно. Он уже морально приготовился к слезам и исповеди на тему «Все мужики козлы».

— Знаете, я, конечно, не настаиваю, но, по-моему, вы уже расплатились за урок. Ничто не может стоить дороже жизни. Кофточку снимите.

— Зачем?

— Насиловать буду, — мрачно отвечает Самойлов.

Огромные голубые глаза распахиваются еще больше. «Красивые» — неожиданно замечает он.

— Я же доктор. Легкие прослушаю. Кашель мне ваш не нравится. Послушно расстегивает пуговицы одна за другой.

— Вы терапевт?

«Педиатр, мля. Гомеопат».

Грудь хороша, ничего не скажешь. Особенно в контрасте с тонкой грудной клеткой. Вид съезжившихся от холода сосков, прекрасно видных под прозрачной, затканной алыми сердечками тканью, самым недвусмысленным образом заставляет вспомнить, что личной жизни он в последнее время уделял непозволительно мало внимания. «Самойлов, ты же давал клятву Гиппократу», — в который раз за этот богатый событиями вечер говорит себе он. Прижимает фонендоскоп к тыльной стороне руки. Вроде не холодный.

— Хорошо вдохните. Не выдыхайте. Еще раз. Теперь спиной.

Черт его знает, вроде есть хрипы. Он же не спец.

— Одевайтесь.

Делает еще одну кружку чая.

— Пейте, я сейчас.

Выходит в комнату, достает из кармана телефон.

— Жека, привет, консультация нужна. Смотри, картина такая.

Выслушав всю историю, Ложкин начинает ржать.

— Самойлов, тебе даже на работу ходить не надо. Она тебя сама находит. Так, температура есть?

Глеб возвращается на кухню, прикладывает руку ко лбу Снегурки. Она пытается отпрянуть, он, привычно прижав телефон головой к плечу, фиксирует еще и затылок. Ой, горячо... Явно выше положенных тридцать шесть и шесть. Отпускает руки, игнорирует удивленный взгляд.

— Есть. Даже жар, скорее всего.

— Скорую вызывай, тебе там ловить нечего, — командует Женька. — Если все так, как ты описываешь — это крупозная пневмония.

— Сегодня наша больница дежурит, я ничего не путаю?

— Ага, больше тебе скажу, я на дежурстве сегодня. Скажи фамилию — лично твою девушку встречу.

— Издеваешься?

— Что, даже фамилия не знаешь?

— А оно мне надо? — резонно интересуется Глеб.

Глава 2. Локи

Локи(др. — исл. Loki, также Loki Laufeyjar sonr — Локи, сын Лаувей) — божество (предположительно бог огня) в германоскандинавской мифологии, происходит из рода ётунов, но асы разрешили ему жить с ними в Асгарде за его необыкновенный ум и хитрость. Он и повелитель огня (даже в христианском средневековье дух домашнего очага Локки почитали шведы и норвежцы), и отец лжи, и самый лучший из шутов, когда-либо существовавших. Такое сочетание коварного насмешника и дурашливого паяца в одном

божественном образе — устойчивый мифологический типаж, так называемый трикстер, «пересмешник», трюкач.

— Да, Станислав Владимирович, вам просто повезло...

— Что, нет перелома? — в голосе крепкого бородача явственно слышится облегчение.

— Не скажу, что в первый раз такое вижу, но пяточная кость такой толщины — большая редкость. Была бы обычная — точно сломали бы.

Тот самодовольно улыбается.

— Но на вашем месте я бы больше не предпринимал попыток пятками доски ломать. Везение не бесконечно.

— Да какой разговор, доктор. Такого страху натерпелся, когда вы про гипс сказали. Мне на полгода в гипс никак нельзя. Вот дурак пьяный.

— Все так говорят.

— А что, доктор не пьет?

— Вы знаете, практически нет.

— А хороший коньяк?

Глеб вздыхает. Некоторые предрассудки неистребимы.

* * *

Юля лежит на животе. Потому что на спине — не может. Ее жизнь, до последнего времени представлявшая собой последовательное приведение в исполнение собственноручно разработанного ею прекрасного перспективного плана, сорвалась с резьбы. И теперь все в ней не так. До обидного неправильно. Или до смешного. Да уж, когда за разбитое вдребезги сердце отдувается попа — это смешно. Обхохочешься.

Юля вспоминает, как тихо умирала неделю назад. «Извини, но я понял, что не подхожу тебе». «Ты достойна лучшего». «Нам лучше какое-то время не встречаться». Три года вместе. Так близко она никого к себе не подпускала. Юля вспоминает, какие слова ему говорила. Что позволяла делать с собой. Что делала сама. Казалось, они будут вместе всегда. А теперь... Как противно, Господи! И как стыдно. Но умереть больше не хочется. Уколы в задницу каждые четыре часа очень эффективно излечивают от любовной тоски. И на смену ей приходит злость. Ярость. Я не буду тебе мстить. Я тебя уничтожу. Тебя и твою... Юлия Джириева уверена — Вадим бросил ее не просто так. Даже если упорно отрицал наличие другой.

Теперь больше всего ее бесит эта ложь. Эти насквозь фальшивые ненастоящие слова. «Ты достойна лучшего». Не любишь — так и скажи! А сама-то? Любишь? Юля в задумчивости переворачивается на спину и стонет от резкой боли. Будь ты проклят, Вадим! Как от тебя болит ж*па!

Открывается дверь и в палату заходит медсестра.

— Ну, красавица, заголяй попку.

Юля опять стонет. И за что ей эти приключения...

— На ночь сетку нарисуй, — деловито советует медсестра, выбрасывая ампулу и упаковку от шприца. — Места уже живого нет. Все в шишках. Или давай постовой сестре скажу — тебе компресс сделают.

— Скажите, — вяло отвечает Юля.

Дверь опять открывается. Ее лечащий врач. Благообразный, представительный, седобородый. Прямо доктор Айболит. Борис Петрович.

— Ну-с, Юленька, снимок значительно лучше. Задавили мы вашу подлюку пневмонию, хотя до полного выздоровления еще далеко. Но, главное, — антибиотики эффективные подобрали.

— А что, бывает по-другому? — удивляется Юля.

— Ох, сейчас чего только не бывает, — по-стариковски вздыхает Борис Петрович. Любит он это дело — изображать из себя этакую убеленную сединами премудрость. Убелен, конечно, нечего сказать, но крепок телом, умом остер. — Все вокруг нас этими антибиотиками напичкано. Уже и не знаешь, как на них организм среагирует. Вы, видно, не злоупотребляли лекарствами, питаетесь здоровой пищей. Вот поэтому ваш организм хорошо отреагировал.

— Долго мне еще в больнице?.. — задает Юля терзающий ее вопрос.

— Ну, еще недельку точно. Потом — посмотрим. Давайте-ка я вас послушаю.

Юля задирает пижаму. Во-первых, тела своего стыдиться не привыкла. Во-вторых, это ж доктор.

После ухода Бориса Петровича, все так же лежа на животе, Юля вспоминает другого доктора.

Даже имени его не знает. Мысленно называет его Локи. И даже себе не может объяснить, почему.

Может, потому что он веселый. Непонятно, почему она так думает. Нет, конечно, смешного в той ситуации было мало. Но по каким-то

его словам ей показалось, что он очень смешливый и самоироничный человек. С хорошим чувством юмора.

А может, потому, что он рыжий. Настоящий викинг. Здоровенный, плечистый, с огромными, как лопата, ладонями. Квадратное скуластое лицо, крупный, слегка курносый нос. Тяжелый подбородок с ямочкой посредине. За все время, которое они провели вместе, он ни разу не улыбнулся, но Юле почему-то кажется, что при этом на щеках тоже должны появляться ямочки. И глаза. Юля вспоминает его глаза. Желто-коричневые. Яркие. В ее тогдашнем перемороженном состоянии он весь казался ей сотканным из солнца. Золотистые глаза. Отливающие золотом русо-рыжие волосы. Очень коротко стриженные, так, что на макушке торчат, как у ежика. Наверняка, очень жесткие.

Или, может, он — Локи, потому что бог. Совершил достойное божества деяние. Спас простую смертную. Как пояснил ей Борис Петрович, Юля была в нескольких часах от необратимых изменений в легких. На фоне сильнейшего переохлаждения и стресса крупозная пневмония подобна лесному пожару в жаркое лето. Даже самые эффективные антибиотики могут уже не спасти. Где и как ей теперь искать своего спасителя?

* * *

Глеб морщится. Все-таки у них в терапии сплошной дурдом. То ли дело в травматологии. Все лежат по кроваткам, такие тихие, смирные. Достает телефон.

— Жека, ну ты где? Жду возле ординаторской.

— Щас-щас, Глебыч, айн момент. Подожди чутка.

Какая-то баба рядом стервозно орет на кого-то по телефону.

* * *

— Юлия Юрьевна, но я же без вас не могу, — ноет Рома Серебряков, ее заместитель.

— Рома, я тебе русским языком, как для олигофрена, все объяснила. Что непонятного?

— Владимир Георгиевич не пропустит...

— Тихонов — не твоя забота. С ним я договарюсь... Делай, как я тебе сказала. Отчет мне потом перешлешь. Ясно?

— Ясно, — обреченно бубнит Серебряков.

— Еще вопросы?

— Что ж вы так орете, сударыня? — голос раздается из другого мира, где нет идиотов-заместителей.

Юля отнимает трубку от уха и поворачивает голову.

Он. Локи.

* * *

Она. Синелица снежная королева. Снегурочка, мля. Выглядит значительно лучше. Правда, по-прежнему бледная. Но хоть не синяя. Тонкие черты лица, огромные голубые глаза в обрамлении черных густых ресниц. Цветом таких же, как и длинные, ниже плеч волосы.

Высокая. И худенькая. Непонятно, откуда при этом выросла такая аппетитная грудь.

— Здравствуйте, доктор, — Юля бросает взгляд на бейдж. — Глеб Николаевич. Вы ко мне?

— Нет.

Юля растеряна, а доктор Глеб молчит, разглядывая ее как энтомолог — редкий экземпляр бабочки.

— Я... — Господи, она растеряна, — должна поблагодарить вас. Если бы не вы...

Он отмахивается.

— Не о чем говорить. Всего и делов — скорую вызвать. Хотите — научу, как это делается?

Да он ехидный сукин сын!

— Нет, я так не могу. Мне необходимо вас отблагодарить. Доктор, вы коньяк пьете?

Ну, как стоворились!

— Нет.

— А какой именно коньяк вы не пьете? Хенесси ХО достаточно неприемлем?

И тут он улыбается. Совсем чуть-чуть. Но достаточно, чтобы на щеках появились очаровательные ямочки.

— Хотите поблагодарить меня? Хорошо. Поправляйтесь и забудьте все, что вас так расстроило.

— Нет, так...

— Евгений Петрович, ну наконец-то! Сколько можно тебя ждать.

Глава 3. Светлоокая Брунгильда

Брунгильда — Согласно древнейшему (скандинавскому) варианту «Песни о Нибелунгах» — валькирия, наказанная богом Одинмза

непослушание. Она была лишена божественности и погружена в долголетний сон. От этого сна пробудил ее светлокудрый Сигурд. Последний эпизод носит явно космический характер (пробуждение весны).

Шестигранник карандаша медленно перекачивается между ладошками. Ладони — изящные и узкие, пальцы — тонкие, с французским маникюром. Сколько не перекачивай, техника релаксации не помогает. Юля бросает взгляд в монитор. Через пятнадцать минут начнется совещание с главами отделений банка по региону. Показатели за год, конечно, не фонтан. Бывало хуже. Но давно. Ей, с ее опытом и умением безошибочно определять корень проблем, совершенно ясно, что нужно будет говорить. Вопрос не в этом. Вопрос в том, КАК это сказать.

Юлия чувствует, как внутри все буквально закипает. Еще чуть-чуть, и она начнет выдыхать пар. Просто огнедышащий дракон какой-то.

Юлия Юрьевна имела репутацию человека строгого, но справедливого. Именно к ней, как к первому заместителю руководителя регионального филиала одного из крупнейших банков, всегда шли со своими обидами те, кому доставалось от более эмоционального и скорого на расправу «большого папочки» — Владимира Георгиевича Тихонова.

Но теперь... Кажется, ударная волна от обрушившейся, разлетевшейся на куски личной жизни вырвалась наружу и грозит смести все вокруг. Криков и скандалов она себе не позволяла, нет. Но от ее тихого голоса у подчиненных волосы уже вставали на голове дыбом, и цвет лица менялся на бледно-зеленый. Никому ничего не прощалось. Ни малейшей ошибки. Ни малюсенького просчета.

И ничего с этим Юлия поделать не могла. Злость просто душила ее. Позвонившему узнать, как ее здоровье Вадиму ответила так, что сама себе удивилась. Какие она, оказывается, знает слова. И откуда, спрашивается? После этого разговора полегчало. Но ненадолго. Как-то резко она вдруг поняла, что Вадим — слизняк. Что она потратила три года своей жизни на недо-мужчину. Лучше одной, чем с таким. И она не получит никакого удовольствия от того, что разделается с ним. Х*р на него, пусть не переживает за свой кредитный портфель, даром он ей не сдался. И вообще, надо придумать новый перспективный план жизни. А пока... Пока надо переждать этот период. Когда все идет кувырком. Неправильно.

Юлия Юрьевна встает, расправляет очередную строгого покроя юбку, сегодня — темно-синюю. Надевает жакет, берет со стола документы. Подходит к висящему на стене зеркалу.

Элегантный темно-синий костюм с серебряной брошью на лацкане. Темно-синие, в тон костюму, лодочки. Гладко убранные назад, в аккуратный пучок, черные волосы. И холодные прозрачно-голубые глаза. Извините, ребята, но вам сегодня достанется по полной программе. Потому что я злая брошенная стерва.

* * *

Когда, после совещания, Юля пьет чай у себя в кабинете, к ней заглядывает босс. Собственной перцовой, так сказать.

— Юлечка, у тебя кровь с клыков капает, — Владимир Георгиевич скупно улыбается.

— Одну минуту, сейчас утрюсь, — в тон ему отвечает Юля. — Чаю хотите?

— Не хочу. Ну-с, после твоего пламенного выступления ситуация должна в корне измениться.

— Выступление — это ни о чем. Нужны санкции.

— Настаиваешь?

— Вам решать, Владимир Георгиевич. Но по некоторым отделениям это, как мне кажется, совершенно необходимо.

После ухода шефа Юля с кружкой в руке задумчиво вышагивает по кабинету. Так дальше продолжаться не может. Пока она еще держит себя в руках, но что будет дальше...

Открывает стеклянную, с затейливой гравировкой, дверцу шкафа. В глубине матово блестит подарочной упаковкой бутылка Хенесси. А что, собственно?.. Все и так уже неправильно, так почему бы не сделать еще одну глупость?

* * *

Можно было, конечно, поискать его в больнице. Но Юля решила, что логичнее встретиться там, где все начиналось.

Дом нашла. Вроде бы. Но вот квартиру... Помнит, что поднимались на лифте, но какой этаж?..

Ждать решила в машине. Дураков нет — на улице мерзнуть. Синяки с задницы только-только сошли... Минут через сорок Юля поняла, что это абсолютно дурацкая затея. Апофеоз идиотизма, происходящего с ее жизнью. В которой за последнее время чего не коснись — все не так. Она включила заднюю передачу, глянула в зеркало. Чтобы увидеть, как из подъезда выходит Глеб.

Она почему-то был уверена, что его нет дома! Схватила упаковку с коньяком, выскочила из машины.

— Глеб!

Остановился. Повернулся. Лицо в обрамлении пушистого меха капюшона выглядит непривычно. Но это он. Глеб качает недоверчиво головой. Поднимает руку и пару раз легонько стучает себя в висок.

— Черт, похоже, я перебираю с энергетическими напитками. Уже глюки...

— И вам здравствуйте, Глеб Николаевич. Вот. Это вам, презент.

Юля ловит себя на том, что улыбается. Потому что ей приятно его видеть. Нет, с ней явно что-то не так...

Глеб берет подарок. Разглядывает упаковку.

— Черт, Хенесси ХО за один звонок в скорую... На подобный случай я всегда к услугам вашим.

— Ловлю на слове. Приглашаю поужинать. За мой счет.

Боже, что я делаю?!

Глеб задумчиво качает головой.

— Это не выход.

— Что?

Он вздыхает.

— Вас зовут... как?

Докатилась, Джириева! Приглашаешь в ресторан мужика, который даже не знает, как тебя зовут.

— Юлия, — отвечает сквозь зубы.

— Юлия, — Глеб говорит очень мягко, — поверьте, вам не станет легче, если вы отомстите ему таким вот образом.

— А нельзя ли чуточку конкретней?

— От того, что вы прыгните в постель к первому встречному, ему хуже не станет. Только вам.

Юля шумно, со свистом, выдыхает.

— А не кажется ли вам, Глеб Николаевич, что вы слишком много о себе возомнили?! Ваша постель отнюдь не является предметом моих мечтаний. Просто захотелось чисто по-человечески отблагодарить за спасение моей жизни. И получше узнать того, кто это сделал!

Юля переводит дыхание и...

— Я сегодня не могу. У меня встреча.

Да пошел ты со своими приколами!..

— Хорошо, а завтра?

— А завтра я дежурю.

Нет, все не просто неправильно, это мега-, супер-, гипер-, экстра-неправильно!!!

— Все, забудьте. Спасибо за оказанную помощь. И всего хорошего. Сводной рукой Глеб успевает перехватить ее.

— После дежурства мне отоспаться надо. Но к вечеру в субботу буду рад принять приглашение.

А в субботу у нее день рождения. И вообще... Что надо сказать? Поздно, Джонсон, пить боржоми...

— Хорошо. Заеду к семи в субботу.

Глеб стоит и смотрит ей вслед. Юлия. Твою ж мать!!! Mercedes ML 350! Не фига себя Юлия!

Ты, Самойлов, похоже, подцепил состоятельную штучку! Главное, чтобы у нее не оказалось дружка-бандюка. Обручального кольца на пальце вроде нет, но это еще ни о чем не говорит. Надо будет в отделении справки навести.

* * *

Времени на сборы в ресторан она потратила ровно в два раза больше чем обычно. Чем когда выбирались куда-то с Вадимом. Кстати, сейчас об этом говнюке думала вообще уже без всяких эмоций. Как о не заслуживающем внимания эпизоде. Ага, чуть не убившем ее эпизоде.

А все почему так долго? Потому, что преследовала две совершенно противоположные цели. Выглядеть как можно сногшибательней. И при этом не показать, что она уж очень старалась. Чтобы это выглядело как рядовое событие.

Серые обтягивающие брючки. Черный, с окантовкой серебряной ниткой, джемперок. Волосы рассыпаны по плечам с тщательно продуманной небрежностью. Немного туши, румян, блеска для губ. Очень неплохо, скромненько, но со вкусом.

Ровно в семь Mercedes ML 350 стоял у подъезда дома Глеба. Он не заставил себя ждать — буквально через минуту подъездная дверь распахнулась.

— Добрый вечер.

— Добрый. Отличная у вас машина.

— Спасибо. Глеб, как вы относитесь к ирландским пабам?

— С огромной симпатией.

— Тогда в «Старый Дублин»?

— Нет возражений.

* * *

— Это противоестественно — пить в пабе безалкогольное пиво.

— Что делать, я за рулем.

— Вы не представляете, Юля, что теряете. Гиннесс сегодня особенно вкусен, — Глеб слизывает с верхней губы плотную кремовую пену. И от этого движения ее вдруг бросает в жар.

— Юля, поделитесь секретом, как люди зарабатывают на мерседес?

— Что?

— Слишком интимный вопрос?

— Да нет, просто неожиданно.

— Лично я совершенно уверен, что вы свой не в постели заработали. Хотя с вашей внешностью это было бы не удивительно.

От неожиданности такой формулировки вопроса Юля давится пивом. Кашляет.

— Ох, простите, — Глеб уже рядом, хлопает по спине.

— Все нормально.

Она аккуратно отпивает маленький глоток. Еще один. Глеб возвращается на место.

— Извините, если смутил вас своим вопросом.

Да уж, у Глеба явно свои, очень своеобразные представления о правилах приличия. Ну что ж, в эту игру можно играть и вдвоем.

— Для ответа на этот вопрос нужно быть с собеседником на «ты». На «брудершафт»?

— С безалкогольным пивом? — скептически спрашивает Глеб, изгибая золотистую бровь. — А, ладно, придется поступиться правилами. А целоваться обязательно?

— Даже нежелательно. Давайте уже без этого слюнтяйства.

— Согласен, — протягивает свой бокал.

— Значит так, Глеб, — после совершения ритуала, продолжает Юля, — отвечаю на твой вопрос. Во-первых, на мерседес заработала не в постели. Подозреваю, что в постели бы, наверное, вообще не осилила... такой объем работ. Если ты таким образом пытался узнать, кем я работаю — пожалуйста. Заместитель директора регионального филиала банка. Должность получена так же не через постель. Вообще, постель — не самое мое сильное место. Зато, знаешь ли, я — финансовый гений. По крайней мере, шеф так считает. Во-вторых. Хотелось бы внести ясность. Мое приглашение в ресторан не имеет ничего общего с желанием тебя... — Юля на пару секунд замялась.

— Закадрить? — подсказывает Глеб. Он улыбается. Черт, похоже, ему нравится их разговор!

— Да, точно, — Юля щелкает пальцами. — Именно. Закадрить. Нет у меня никакого желания сейчас ввязываться в какие бы то ни было романтические взаимоотношения. Сыта по горло. Ты мне просто понравился. Интересный человек. Я таких никогда не встречала. Мне по роду своей деятельности совсем с другими людьми приходится общаться. Люди живут цифрами, процентами, какими-то интригами, склоками, подковерная мышиная возня. А ты... Ты — настоящий. Не знаю, как объяснить. Ты мне симпатичен, и одно могу сказать точно: расслабься. Твоей невинности ничего не угрожает.

Че-е-е-ерт!!! Лишь произнеся последние слова, Юля понимает, что сказала. Вообще не предполагала, что такое скажет. Но сказалось. Само собой. И она вдруг поняла, что сказала чистую правду. Ну, кроме последней фразы.

Глеб молчит. Поставив локти на стол, переплетя пальцы и уперев их в подбородок. Потом разводит руками.

— Ну, ты меня смутила...

При этом отнюдь не смущенно улыбается.

— Вообще не помню, чтоб мне такие комплименты говорили. Что при этом принято отвечать?

— «Спасибо, мне очень приятно» будет достаточно.

— Спасибо, мне чертовски приятно было такое про себя услышать.

— Да, пожалуйста. Может, расскажешь о себе?

— Да что рассказывать, — Глеб отпивает пива. — Я не гений. Не финансовый, да и вообще никакой. Рядовой врач-травматолог. Мерседеса нет.

— Дался тебе этот мерседес! И вообще, — Юля подозрительно смотрит на него, — как-то ты странно это говоришь. Мерседеса нет, а в гараже пылится Бентли?

Глеб усмехается.

— Бентли не пылится. Только Кавасаки.

— Мотоцикл?

— Прошлым летом денег накопил. Когда встал вопрос выбора между среднего класса машиной и хорошим мотоциклом, я даже не сомневался. Сомневаться стал, когда снег выпал. А толку? Зато теперь зимой я пешеход.

Им нашлось о чем поговорить. О машинах. О мотоциклах. О том, как избежать травм, и как лечить растяжения. Как получить кредит и как обмануть банк. В общем, отличный получился вечер.

— Я прекрасно провел время, — Юлин мерс стоит у подъезда дома Глеба.

— Спасибо, я тоже, — и, отчетливо понимая, что говорить этого не следует ни под каким соусом, все же добавляет: — Давненько у меня не было такого душевного дня рождения.

— Так, стоп, — Глеб резко поворачивается. — А вот это уже не по правилам. У тебя сегодня день рождения?

— Да. Ну и что? Терпеть их не могу.

— С меня подарок. И вообще, как-то нехорошо получилось.

— Глеб, прекрати. На фиг мне не сдался этот день рождения. А подарок ты мне и так уже сделал. Не было бы тебя, и не было бы этого дня в моей жизни.

— Нет, так дело не пойдет, — Глеб достает телефон. — Номер скажи. Я что-нибудь придумаю. С меня теперь причитается.

Глава 4. Кольцо Нибелунга

Кольцо́ Нибелу́нга (нем. Der Ring des Nibelungen, Nibelungen— дети тумана) — название цикла из четырёх эпических опер, основанных на реконструкциях германской мифологии, на исландских сагах и средневековой поэме «Песнь о Нибелунгах». «Песнь о Нибелунгах» (нем. Das Nibelungenlied) — средневековая германская эпическая поэма, написанная неизвестным автором в конце XII — начале XIII века. Принадлежит к числу наиболее известных эпических произведений человечества. В ней рассказывается о женитьбе драконоборца Зигфрида на бургундской принцессе Кримхильде, его смерти из-за конфликта Кримхильды с Брунгильдой, женой её брата — Гунтера, а затем о мести Кримхильды за смерть мужа.

— Юля, добрый день, это Глеб Самойлов.

Он позвонил только через неделю. Как раз вскоре после того, как она, отчаявшись, решила, что он уже не позвонит вообще.

— Здравствуй, Глеб.

— У меня два вопроса. Что делаешь завтра? Любишь бильярд?

— Собираешься пригласить меня поиграть в бильярд?

— Как догадалась?

Юля улыбается. Вот что в нем такого, что от одного его голоса на душе становится тепло и хочется улыбаться?

— Во сколько?

— Ну, так же, часиков в семь.

— В принципе, не против. Только в бильярд в жизни ни разу не играла.

— Вот и отлично! Сыграем на твой мерседес.

Юля не выдерживает. Хохочет в голос.

— Страшный вы человек, Глеб Николаевич!

— Да? — Глеб удобнее устраивает трубку между плечом и ухом, руки разматывают бинт. — А некоторые говорят, что симпатичный.

Ох, как правы эти некоторые! И кто же они, интересно?

— Ну-ну, под маской овцы скрывался лев.

— Чего сразу овцы-то, — обиженно растягивает слова он. Ладно, хорош уже паясничать. — Юль, только это... Бензин ваш, идеи наши. В смысле, я же без машины. Или на такси за тобой заехать?

— Нет уж, лучше я на своей. Так же, в семь. Я за тобой заеду.

— Договорились.

* * *

Юля никогда раньше не бывала в подобных местах. Множество бильярдных столов. По периферии — столики для тех, кто не играет. В данный момент или вообще.

Глеб заказывает пиво. Юле — безалкогольное, себе — Крушовицу.

— Ну что, пойдём, обдеру тебя как липку.

Ох, Глеб, лучше тебе не знать, что она представила при этих словах!

Юля радуется, что угадала с одеждой. Обтягивающие линялые джинсы, сиреневая трикотажная кофточка с серебристой аппликацией. Сто лет она так не одевалась, но здесь так выглядят почти все. Глеб тоже в джинсах и толстовке.

— Может, сначала правила объяснишь?

— Так любой дурак сможет, — усмехается он. — Держи. Это называется кий.

В принципе, ничего сложного. Юля радовалась как ребенок, когда удавалась попасть по шару. Впрочем, с каждым разом получалось все лучше.

— Юль, ну надо же не просто лупить по шару, а еще и забивать.

— А я что пытаюсь делать?

— Нет, так ты в лузу не попадешь. Вот смотри, — Глеб подходит сзади, — разве не видишь — угол неправильный.

— А я посильнее ударю.

— А посильнее — попадешь в борт, — Глеб кладет свои руки на кий рядом с Юлиными. При этом прижимается к ней сзади. — Видишь, вот так. Это ж сплошная физика с геометрией.

Нет, это, бл*, не физика! Это физиология. Потому что тело мгновенно реагирует на прикосновение к аккуратной круглой попке. Черт, надо меньше играть в Сталкера. И хотя бы иногда трахаться. В прямом смысле. А не только с работой. Глеб не успевает сообразить и вовремя отстраниться. А Юля резко и шумно выдыхает. Ага, давай, самоубийца, еще на грудь поплясь! Для усугубления эффекта.

Она поворачивает голову. Светло-голубые глаза встречаются со светло-карими.

— Я не специально, — Глеб запоздало отстраняется. Разводит руки в стороны. — Оно само.

Юля молчит. Да, Самойлов, ты офигенно подставился. А какие объяснения оригинальные!

— Ну, что, рискнешь сыграть на мерседес? — он пытается сгладить неловкий момент.

— А что ставишь ты?

— Кавасаки. И пожизненное рабство.

Он, конечно, шутит, но Юля вдруг поняла, что хочет этого. Не мотоцикл, конечно. Его. В пожизненное рабство.

— Непривлекательное предложение.

— Понимаю. Я бы тоже не согласился. Ну, тогда на желание.

— Да у меня все равно нет шансов. Это неспортивно.

— Давай уравнием шансы. На один мой удар — три твоих. И три партии. До двух побед.

Третью даже играть не пришлось. Все равно Глеб у нее оба раза выиграл. И нельзя сказать, чтобы она не старалась. Очень старалась. Прикусывала от сосредоточенности нижнюю губу. По многу раз примеривалась к удару, наклоняясь то так, то эдак. В общем, неосознанно делала все, чтобы Глеб чуть ли не стонал в голос от возбуждения. И как он еще выиграть сумел при таком раскладе?.. Сам себе удивлялся.

Потом они поужинали. Неловкость, возникшая после того дурацкого эпизода с его так некстати случившейся эрекцией, исчезла. И они с удовольствием болтали. Глеб с удивлением отмечал, что, несмотря на то, что они находятся на разных ступеньках социальной лестницы, общению это совершенно не мешало. Скорее, даже

наоборот. Впрочем, его мысли крутились вокруг того, что к социальному положению никакого отношения не имеет.

— Ну, я вроде как выиграл? — Юлин мерс опять стоит у его подъезда.

— Выиграл, — подтверждает она.

— Тогда пойдём. Ко мне.

— Зачем?

— Э-э-э... Ну, например, я тебя кофе угощу.

Очень смешно, Самойлов. Почему бы тебе прямо не сказать? Юля, пойдём, потрахаемся. Потому что у меня стоит. И я хочу тебя. И ты меня тоже, я в этом почти уверен.

Уборкой он по-прежнему пренебрегал. На кухне тихий ужас, но мы туда и не пойдём, что бы он там ни врал про кофе. Хорошо хоть, пылесосил вчера. И то, потому что Масыня разгрызла упаковочный пенопласт от купленного накануне DVD-плеера.

Он открывает дверь, включает свет.

— Ванная там.

— М-м-м, спасибо. А зачем?

— Ну, вдруг ты захочешь... Перед тем....

— Перед чем?

Глеб вешает свою куртку в шкаф. Поворачивается к ней.

— Юль, мы же взрослые люди. И оба понимаем, зачем мы здесь.

Юля молчит. Потрясенная, да. Она, конечно, предполагала, что это может случиться. Но что вот так, буднично, практически с порога...

— Юля, в чем проблема? Я тебя хочу. Ты это и сама знаешь. Ты... ты тоже меня хочешь. По крайней мере, мне так кажется. И потом... — Юлино молчание начинает действовать ему на нервы, — я же выиграл. Ты должна мне желание. А я хочу тебя. Сейчас.

Юля чувствует, что еще чуть-чуть — и предательски задрожит подбородок. И слезы уже неконтролируемо польются из глаз. Она думала, ей тогда было больно. «Ты достойна лучшего». Вот чего она достойна!

Внутри оживает и обретает металлическую твердость какая-то доселе неизвестная ей струна. Слезы останавливаются на полпути. Голос совершенно спокойный.

— Извини, Глеб, сделка аннулируется. Условия неприемлемы. Если настаиваешь, можно договориться о компенсации за напрасно потраченное время и деньги. Мой телефон у тебя есть. Всего хорошего.

И уходит.

* * *

Черт! Кажется, он ее обидел. Глеб даже метнулся к двери. Вслед за ней. Остановить. Крикнуть: Юля, подожди! И что дальше? Глеб остановился, так и не открыв дверь. Извиняться он точно не собирался. Господи, да за что?! Красивая женщина, далеко не отвратительный мужчина, поздний вечер, пустая квартира. Оба хотят друг друга. Ну чего еще надо, чтобы доставить друг другу удовольствие?

Глеб вздохнул. Может, конечно, ему показалось. Что Юля запала на него. Все может быть. Но какого черта она поперлась к нему домой? Что, правда, думала, кофе будут пить? Вот дура!

Конечно, она не дура. Все, что угодно, только не это. Ему вдруг становится грустно. И немного... Да, стыдно. Обидел. Потому что думать надо головой, а не головкой!

Юля была совершенно не похожа на тех женщин, с которыми он привык общаться. А с кем он общался? Коллеги врачи, и, в основном, медсестры. Никто из них не походил на нее. В Юле сочеталось два, казалось бы, совершенно не сочетаемых качества. С одной стороны, исходящая изнутри, не показная, такая удивительная в женщине самоуверенность. Ощущение собственной внутренней силы и ума. Даже в какой-то степени превосходства. Это было трудно описать словами, но очень отчетливо ощущалось. Юлия Джириева явно считала себя человеком высшего сорта. А, с другой стороны, совершенно искренний интерес и уважение к другим людям и вера в то, что они в состоянии по-хорошему удивить ее. По крайней мере, в отношении к себе Глеб это чувствовал. Она как будто говорила: «Ну, Глеб, давай! Покажи себя! Я же знаю, какой ты классный и интересный парень!»

Какие бредовые мысли лезут в голову! Ладно уж, что сделано, то сделано. Переделывать не будем. Завтра у него дежурство, и, если повезет, и ночью выдастся свободный часок... Надо будет пригласить кого-нибудь из сестричек на физиопроцедуры. Совсем распустились. Не следят за доктором. А доктор Самойлов уже пару месяцев как нетраханый.

Брунгильда засучила рукава и метнула копьё с такой силой, что оно должно было бы пронзить Гунтера насквозь, но Зигфрид подставил под удар свой щит. Зазвенел щит, посыпались с него искры. Зигфрид поднял копьё и метнул обратно в Брунгильду, но не острием, а тупым концом. Ударило копьё в ее крепкие доспехи, покачнулась Брунхильда и едва устояла на ногах. Разгневалась воинственная дева, но сказала Гунтеру: «Отменный удар, государь! Я благодарю тебя за него»

«Песнь о Нибелунгах»

На смену удушающей ярости приходит апатия. Юля выполняет свою работу на автопилоте. Механически. Что называется, на классе. И все гадает, есть ли предел боли и разочарования, которые суждено ей испытать. Достигла ли она дна? Или может быть еще больнее? Когда один, которому верила, как себе, предает, не найдя даже мужества честно признаться в мотивах своего поступка. А другой... Ей казалось, что он... Юля не могла четко сформулировать, кем он стал для нее. При этом почему-то очень хотелось плакать. При мысли, что никогда больше не увидит его, у Юли появлялось ощущение, что в мире выключили краски, и остался один цвет — серый. Но Глеб совершенно ясно дал понять, что именно ему от нее нужно.

Не то, чтобы она этого не хотела. В том-то и дело, что хотела... Еще как! Она вообще не помнила, чтобы когда-то ТАК хотела мужчину. Никакого. Ни Вадима. Никого другого. А Глеб... Его рост. Широкие плечи. Вся огромная фигура, которая, может, и не походила на тела узкобедрых накачанных мужчин-моделей, но от нее исходила какая-то почти животная сила. А как он двигался... При таких габаритах он двигался стремительно, почти изящно. И эти его ямочки. И мягкие улыбчивые губы. И солнечные смешливые глаза. Его юмор. Спокойная уверенность в себе. Сочный бархатный голос. Наверное, это профессиональное.

В том-то и дело! Она хотела его всего! Не только это великолепное мужественное тело. Хотела его улыбок, его смешных и грустных историй из богатой врачебной практики, хотела, чтоб он веселил и подкалывал ее, хотела... До фига чего хотела, да только закатай губу, деточка! Он от тебя хочет только одного!

* * *

Идея потрахаться на дежурстве была, конечно, хороша. Только в теории. А на практике...

Сначала он. Полчаса. Этот даже не «трахать» называется. Он ее буквально «долбил». Потом Маринка, симпатичная процедурная сестра из отделения, села на него верхом и прыгала минут двадцать. Стонала. Круглые груди подскакивали как мячики. От нечего делать считал Маринкины оргазмы. Два. Или три. Дождавшись очередного, скинул ее с себя, поставил на четвереньки. Одним резким движением входит и начинает двигаться. Да что же это такое! Просто мучение одно! Осознав, что в любой момент может раздаться стук в ординаторскую или звонок на сотовый, он перестает с собой бороться. Закрывает глаза. И представляет. Рассыпанные по плечам темные волосы. И именно ее тонкую талию сжимают сейчас его пальцы. Именно к ее мягкой круглой попке прижимается сейчас его пах. Как и тогда, только между ними нет одежды. И прикушенная розовая губка. И съездившиеся нежные соски под прозрачной тканью бюстгалтера. И долгожданный оргазм накрывает его. Наконец-то.

— Глеб, ты просто марафонец... — Марина томно чертит круги на его груди.

«Ага, марафонец. Извращенец, бл*»

— Прости меня, Марин.

— Да ты что? — искренне изумляется она. — Так классно было. Я со счета сбилась, сколько раз кончила.

— Три, — автоматически отвечает он.

* * *

— Юлия Юрьевна, — в голосе Маши, ее секретарши, слышится тщательно маскируемое удивление, — тут вам принесли...

— Что?

— Цветы.

— Кто?

Маша медлит с ответом.

— Сейчас выйду.

Весь стол у Марии завален бордовыми розами. Юлия в жизни не видела столько одновременно. Сколько их здесь? Пятьдесят? Сто?

— Кто это принес?

— Парень какой-то. Сказал, что это доставка. Из магазина. И вот... Письмо. Вам.

Юлия берет конверт. Открывать страшно. Потому что из ниоткуда возникает вдруг такая прекрасная, но призрачная надежда. Нет, это

невозможно. Таких букетов ей даже Вадим не дарил. А он был весьма состоятельный господин.

— Маш, займись цветами.

— Ага, только сейчас за вазами сбегаю, а то у нас столько нет.

Юля забирает одну розу и возвращается в кабинет. Садится в кресло и задумчиво смотрит на лежащий на столе прекрасный цветок. Через несколько дней он завянет и засохнет. А надежда, которая сейчас живет в ее душе, умрет гораздо раньше. Как только она откроет этот конверт.

Почерк ей незнаком. Два слова.

Прости меня.

Подписи нет. Есть постскрипtum.

P.S. Просто у владельца цветочного магазина был сложный чрезмышцелковый перелом.

И еще один.

P.P.S. Но я бы все равно извинился.

И последний.

P.P.P.S. И цветы бы все равно подарил. Только не столько.

Глеб. У Юли чувство, будто ей подарили весь мир.

* * *

Он стоит на парковке и смотрит на здание банка перед ним. Огромное, сверкающее полированным гранитом, металлом и стеклом. Воплощение солидности, респектабельности, достоинства. Вся парковка перед банком забита БМВ, Лексусами, Мерсами. Сотрудники выходят из дверей после окончания рабочего дня. Темные цвета, строгая одежда. Что он здесь делает? Этот мир для него глубоко чужой, чуждый. Более того, он ему резко неприятен. Но у этого мира есть то, что ему нужно. Она. Его прекрасная снежная королева.

Глеб даже не узнал ее сначала. И возненавидел этот ее новый облик сразу. При их встречах Юля была одета достаточно неформально. Как и он сам. А сейчас... Строгое серое пальто. меховой (вы только подумайте!) шарф. Прекрасные темные волосы убраны сзади в строгий пучок. Губы покрашены бордовой помадой. В руках — папка с документами. И еще портфель.

С максимально независимым видом Глеб привалился к капоту Юлиного мерса, сложив руки на груди.

— Привет!

— Здравствуй.

Она не улыбается. Смотрит серьезно. Выжидательно.

«Я не узнаю тебя. Мне страшно.»

— Я послал тебе цветы.

— Я знаю. Я их получила. Спасибо.

«Черт, где моя Юля? Где та девушка, с которой я смеялся неделю назад? Кто эта строгая женщина с холодными, как льдинки, глазами?». Ему хочется сбежать. Но он не позволяет себе струсить.

— Я пришел извиниться.

— Извиняйся.

Так, все! Его и без того истерзанное терпение лопается. Одной рукой Глеб сбивает со своей головы капюшон, другой — притягивает Юльку к себе, так резко, что папка с документами выскальзывает у нее из рук. И впивается в губы совсем не извиняющимся поцелуем.

Гадость какая! Помада у нее невкусная. Зато все остальное... Горячий нежный язычок, который с радостью встречает его собственный. Гладкие острые зубки, которые так приятно обводить языком. И ее губы. Бог с ней, с помадой. Именно такие, как он и... мечтал? Да, черт побери, он о ней мечтал!

И как же она ему отвечает! Такая гладкая внутри. Нежная. Горячая. И так сладко стонет. Прямо ему в губы. Юленька...

Громкий автомобильный гудок... Юля резко отпрянула. Господи, что она делает?! Целуется. Взасос. На парковке. На глазах у покидающих здание банка сотрудников. Прямо под окнами кабинета директора. Прямо в фокусе установленной на парковке камеры.

Глядя в ее огромные потрясенные глаза, Глеб понимает, какого сваял дурака. Нашел время и место. Чтобы приставать к заместителю директора банка с поцелуями. Тыльной стороной ладони оттирает губы. На руке остается бордовый след. У Юли вид тоже... весьма неаккуратный.

— Прости меня... — покаянно шепчет он. — Я не смог... удержаться...

Вот за эти слова она готова простить ему все. Достает ключи из сумочки.

— Поехали. Пока еще чего-нибудь не случилось.

* * *

Квартира у Юли шикарная. Но какая-то холодная. Белые стены. Черно-белые фотографии в черных же рамах.

— Проходи. Располагайся. Я сейчас переоденусь.

Глеб устраивается на бежевом кожаном диване. Да, Машню бы сюда... Глебу становится неуютно. Он вспоминает свою обыкновенную панельную «однешку», до которой у него вечно не доходят руки. Недоделанный ремонт в ванной. Отвалившуюся плитку.

В комнату входит Юля. В джинсах, футболке. Волосы распущены и перекинута на одно плечо. Губы Глеба непроизвольно растягиваются в улыбку. Ну, наконец-то...

— Поможешь мне с ужином?

— Конечно, — он встает с дивана и проходит с ней в кухонную зону. — Только поручи мне что-нибудь попроще. Почистить, порезать. А то слово «пассировать» вводит меня в глубокий ступор.

— Хорошо. Пассировать заставлять не буду, — улыбается она. Господи, хорошо-то как. Просто от того, что он рядом. — Что ты предпочитаешь?

— Наша невестка все трескает, — отшучивается Глеб. — Я — всеядный. Лишь бы побольше.

— Ну, а любишь-то что?

— Мясо, — с оттенком удивления отвечает он. Как будто непонятно.

Юля заглядывает в холодильник. Есть мясо. И баклажаны. Перцы.

— Потушим мясо с овощами?

— Ты командуй, давай.

* * *

Пахло очень вкусно. Глеб с недоумением посмотрел на поставленную перед ним тарелку. Оглянулся на плиту.

— Юля, полная сковорода же?

— Мало?

— Конечно! Я прожорлив до ужаса.

— Ну, сам тогда положи.

Глеб встает, берет со стола обе тарелки.

— Эй, мою-то зачем?

— Хочешь сказать, что тебе этого хватит?

— Более чем.

— Да тебя откармливать надо! Как в пионерском лагере. С ежедневным контролем веса.

Юля надулась.

— Я нормальная.

— Юль, я пошутил.

«Ну не могу же я тебе сказать, что ты такая стройная и тоненькая, особенно по сравнению со мной, что я боюсь обнять тебя посильнее. А так хочется...»

* * *

— Глеб, ты чай будешь или кофе? — Юля ставит посуду в раковину. Все, терпение его истощается. Не хочет он чая. И кофе тоже. Глеб встает. Два шага, и вот уже его ладони обнимают ее плечи, а губы утыкаются в затылок.

— Может, лучше потанцуем? — теплое дыхание обдает розовое ушко, от чего мурашки мгновенно рассыпаются по всему телу.

— В смысле? — Юлин голос звучит неожиданно хрипло.

— Ну как же, чай, кофе, потанцуем... — руки Глеба поворачивают ее, и вот она уже прижата попой к столешнице рядом с раковиной, его ладони охватывают ее поясницу, прижимая к себе. Да, пожалуйста... Поцелуй меня...

Прямо в приоткрытый ждущий сладкий ротик... Без помады еще лучше. Губы такие нежные, мягкие, их так приятно прикусывать. Втягивать в себя. Облизывать. Черт, теперь у него совсем другая проблема. Неделю назад он мучился, как бы кончить. Теперь — как бы НЕ кончить. Прямо в штаны.

А потом ему становится все равно. Потому что остановиться он все равно не может. Не отпуская Юлю, делает пару шагов назад. Падает на стул и увлекает ее за собой. Усаживая верхом на свои колени. Так-то лучше. Меньше шансов, что он ее раздавит. И руками простору больше. И как ему нравится вид ее широко раздвинутых ножек в обтягивающих джинсах.

Одна рука придерживает Юлю за спину, другая жадно ныряет по футболку и накрывает грудь. Как хорошо, что Юленька не везде такая худенькая. Там она такая... пышная. Мягкая. Округло-аппетитная. Он стонет. Она тоже.

- Поцелуй меня...

- Уже...

- В ушко...

Все, черта пройдена. Она не остановится. И не остановит его... Нет, потому что это слишком прекрасно. Чтобы это прекращать.

Но все прекращается само. Глеб прижимает ее к себе. Одна рука тихонько гладит волосы. Другая — поясницу. Губы прижимаются к уху. Хриплое и шумное дыхание.

— Юль, ты прости, но у меня принципы.

— Что?

— На первом свидании штаны не снимаю.

Это удивительно. Она так возбуждена. И при этом ей смешно.

— Какое же это первое свидание?

— Для меня — первое.

Юля молчит. Так хорошо. Даже если он ее не целует больше.

Просто хорошо. Вот так сидеть на его твердых коленях. Прижиматься к нему. Чувствовать на себе его большие горячие ладони. Самой гладить по могучей спине. По голове. Волосы и правда жесткие. Совершенно не хотят лежать, упрямо торчат. Юле нравится гладить его «против шерсти», наблюдая, как упрямые «рыжики» возвращаются на место.

— Юль?

— Что?

— У моего коллеги... друга... Макса Колесникова... через пару недель день рождения. Пойдешь со мной?

— Да. С удовольствием.

— Мы день рождения Макса всегда шумно отмечаем. Компания большая собирается. Посмотришь на моих друзей. С кем я общаюсь. Я хочу, чтобы ты видела... Чтобы понимала, с кем... Прежде чем...

Он окончательно запутался. Но она поняла. И от этого понимания солнечное тепло разлилось в груди. Он хочет, чтобы она лучше его узнала. Чтобы поняла его. Он дает ей шанс. Пускает ее в свою жизнь. Сознательно отказывается от того, чего так хотел от нее раньше.

Юле до боли захотелось поцеловать его. Зацеловать. Затискать. Но лучше не надо. Она не маленькая, и понимает, чего ему это стоило. Надо уважать его решение.

Юля аккуратно слезает с его коленей.

— Знаешь, я варю очень вкусный кофе.

Глава 6. Гибель богов

Гибель богов(нем. Götterdämmerung) или Сумерки богов — музыкальная драма (опера) в трёх действиях с прологомРихарда Вагнера, завершающая тетralогию кольцо Нибелунга.

— Я смотрю, медики очень даже неплохо гуляют, — заметила Юля, когда они вдвоем с Глебом подходят к пивному ресторану Friday.

— У Макса отец — зав. отделением, — ответил Глеб. Со вздохом добавил. — Нашего отделения.

— Что так грустно? Это же, наверное, удобно — дружить с сыном заведующего?

— Ага. Примерно так же, как спать на кактусах. Бонусов никаких, зато как срочно подменить кого — «Глеб, выручай, кроме тебя — некому». И как отказать отцу лучшего друга?

— Бедняга...

— Да плевать, если честно. Я с Максом не из-за отца дружу. Он просто человек хороший.

Макс оказался не просто хорошим человеком. Шикарным. Юлю он влюбил в себя сразу. Такой же длинный, как Глеб, только ровно в два раза уже. Высокий, тощий, жилистый. Со смешными торчащими ушами. С длинным носом. С умненькими карими глазками. И преобразившей все его обыкновенное, в общем-то, лицо, обаятельной мальчишеской улыбкой.

— Значит, ты, Юленька, — не врач? — ближе к середине мероприятия, когда уже все со всеми перезнакомились, и было выпито презрительно, именинник добрался-таки и до Юли. Глеба окучивала какими-то ортопедическими дитячьими проблемами пышная волоокая брюнетка — то ли бывшая сокурсница, то ли чья-то супруга.

— Увы, нет, Максим.

— А почему «увы», наоборот, приятно. Свежий взгляд. А то у нас вечно разговоры все об одном... А кем, если не секрет?..

— Банковский сектор. Финансы.

— Ужас! — с чувством произносит Макс. — Для меня финансы — тьма египетская. Мне тут банк в кредите отказал. Объясняли, объясняли мне — так и не понял ни фиги.

— Какой банк? Можно подробнее? Вдруг, чем смогу...

Пытаясь по возможности вежливо отделаться от Полины, которая в красках расписывала нюансы вальгусного искривления стоп у старшенькой (блин, ну он же не детский ортопед. Он, бл*, хирург-травматолог, работающий во ВЗРОСЛОМ травматологическом отделении! Но Полина его не слушала...), Глеб не сразу заметил... А когда заметил... Юлю и Макса, они о чем-то увлеченно беседовали.

Она что-то пишет на салфетке и передает ему. Макс переспрашивает, кивает, потом явно благодарит, приобнимая Юлю за плечи.

— О чем это вы с Максом так мило беседовали?

— Да так, о том, о сем.

— А что ты ему написала?

— Координаты свои оставила. Хочу помочь ему с получением кредита. Он там сглупил порядочно. Но исправить еще можно. Я попробую.

— Юль, ты не обязана, — странно, но Глеб, похоже, сердится. — Тебе нет никакой необходимости решать финансовые проблемы моих друзей. Не маленькие. Сами справятся.

— Я знаю, что не обязана. Но мне не трудно. И, потом, я хочу Максиму помочь. Мне он нравится, чисто по-человечески, — Юля успокаивающим жестом накрывает руку Глеба своей.

— Как, и он тоже? — Глеб улыбается одними глазами. Его ладонь переворачивается, и вот уже он гладит своими большими пальцами ее узкую изящную руку. Как приятно...

— А кто еще?

Глеб делает обиженно-удивленное лицо.

— А как же я?

— Ты мне нравишься совсем по-другому. Извини, но я тебя тогда обманула.

— Какой кошмар, — его рука сжимает ее. — Я разочарован.

Как же дожить до конца этого бесконечного праздника?! Плюнув на все, Глеб обхватывает Юлины плечи и притягивает ее к себе.

* * *

Сегодня Юля не за рулем, и они возвращаются из ресторана на такси. Глеб называет свой адрес, у Юли екает сердце. Значит, они вдвоем едут к нему. Иначе бы он сначала назвал ее адрес.

В голове неотвязно крутится мысль: «Как все будет?». После того эпизода у него дома после игры в бильярд... После «миллиона алых роз»... После тех поцелуев уже у нее дома...

Ей кажется, что она готова ко всему. Только не к этому. Едва закрылась входная дверь, как Юля оказалась прижатой к ней. В кромешной темноте. В которой есть только жадные руки, которые он запустил ей в волосы. Его горячие губы, покрывающие быстрыми голодными поцелуями ее лицо — лоб, веки, скулы, губы. Да, в губы. Влажный наглый язык, от прикосновений которого подкашиваются ноги. От него вкусно и совсем не противно пахнет коньяком. Очень

хочется почувствовать под ладонями его тело, ощутить, как перекачиваются под кожей мышцы. А вместо этого под ее руками — скользкая, чуть влажная от снега ткань пуховика.

— Глеб, — Юля пытается мягко высвободиться из его объятий. — Глеб, пожалуйста, подожди...

— Ю-у-у-у-уль... — он почти стонет. — Что не так? — замирает внезапно. — У тебя месячные? Да?

Теперь замирает она. Ну что он за человек! Всегда в лоб. Прямой, как рельса. Собирается с духом.

— Нет, — прокашливается. — Нету.

— Что тогда? Презервативы я купил! Юль, пойдем... — он тянет ее за руку.

Это уже даже не обидно. Смешно. Юля вздыхает.

Щелкает выключатель. Глеб медленно расстегивает пуховик и бросает его на пол. Потом снимает с Юли куртку, которая отправляется туда же. Притягивает ее к себе.

— Прости меня. Я болван. Невероятно тупой. И совершенно неромантичный.

— Это точно, — улыбается Юля ему в шею.

— Научи меня... как?

— У тебя есть диск с романтической музыкой?

Глеб задумался.

— Кажется, нет. Или? Нет, нету. Есть сборник рок-баллад.

Подойдет?

— Отлично. А свечи?

«Только с папаверином» — чуть не брякнул он. Вовремя спохватился.

— Нет. Свечей нет... Ой, нет, есть. С прошлого Нового года остались, — обрадовался, как ребенок. — Подожди, я сейчас...

— Не надо.

— Но как же... Ты же сама хотела...

И тут Юля делает неожиданное. Даже для себя самой. А уж для Глеба... Ее тонкие изящные пальцы ложатся на рубчатую ткань джинсов. Там, где застежка. Несколько слоев твердой грубой ткани. А под ней... Нечто столь же твердое и... Пальцы скользят вверх и вниз. Она смотрит ему в глаза.

— Черт с ней, с этой романтикой! Я хочу тебя видеть.

Глеб не сразу обретает дар речи.

— Пойдем в комнату. Я тебе все покажу.

* * *

Нагло соврал. Ничего не показал. В крошечной темноте, хаотично, в спешке, то помогая, то мешая друг другу, раздеваются.

Глеб успевает сделать три вещи.

Первое. Дрожащими от возбуждения пальцами скользнуть между нежных шелковистых на ощупь бедер и проверить. Готова ли? О, да! Еще как! Она хочет его, его сладкая девочка!

Второе. Теми же дрожащими пальцами разорвать пакетик и с первой попытки надеть презерватив. А у него с этим вечно проблемы.

Третье. Навалившись на руки и упершись изнывающим от напряжения членом во влажные ждущие губки-лепестки, шепнуть: «Будет больно — скажи».

И все. Он двигает бедрами навстречу огромному как море наслаждению.

Юля не успевает ничего.

Не успевает сомкнуть бедра, и его пальцы оказываются там. Теперь Глеб знает, какая она уже мокрая. Ну и что!

Не успевает спросить. Почему ей должно быть больно. Не девочка давно уже. А потом...

Как больно! Потому что он, оказывается, везде такой огромный. А там... там — особенно! У Юли перехватывает дыхания от ощущения наполненности и растянутости. Он выбил из нее весь воздух, и она не может крикнуть, не может сказать, даже шепнуть не может. Как ей больно... А когда, наконец, дыхание возвращается к ней, то уже не больно. Приятно. Огромный, гладкий, горячий. Заполняет всю ее без остатка. Как это, оказывается, сладко. Юля чуть двигается, устаиваясь поудобнее.

— Тебе не больно? — сдавленный прерывистый выдох.

— Нет. А тебе?

— Пока нет. Но я схожу с ума.

И еще сильнее. Еще глубже. Хорошо. Хорошо. Ее пятки упираются ему в поясницу. Чтобы сильнее прижаться, раскрыться. Еще лучше. Она тоже сходит с ума.

* * *

— Юль, Расскажи про него.

Ее всегда раньше после секса тянуло поговорить. Обязательно поблагодарить Вадима, рассказать, как ей было хорошо, и как он был хорош. Теперь даже смешно. Потому что глаза сами собой

закрываются. И мир стремительно прощается с ней. Если бы не этот голос.

— Юль?

Да, голос. От него одного опять начинает сжиматься все внутри. Как будто отзвуки только что пережитого первого в жизни такого...

— Извини, я отъезжаю...

— Не время спать. Не все еще спокойно в мире. Как его звали?

Юля устраивается поудобнее.

— Ты про Вадима?

— Вадим, значит...

— Ревнуешь? — ох, вот этого не надо было говорить. Совершенно точно, не надо было. Но она такая размягченная, что потеряла бдительность и ляпнула. Явно лишнее.

— Честно?

— Конечно.

— Нет. Я точно знаю, что тебе со мной лучше.

Юля улыбается. Ты даже не представляешь, насколько ты прав. Но фиг я тебе это скажу.

— Просто я как представлю. Что было бы... Если бы я задержался в тот вечер у родителей. Или ночевать остался. А они уговаривали... Убил бы гада!

— Не надо. Он того не стоит. Нытик и слабак.

— И тем не менее, — губы Глеба касаются ее макушки. Он гладит Юлю по волосам. — Чуть тебя не угробил. Знаешь, — задумчиво добавляет он, — ты мне напоминаешь алмазную статуэтку. Из самого прочного на свете материала. Такая сильная. Твердая. Несгибаемая. И при этом такая тонкая и хрупкая. Что тебя можно сломать. Если знать, куда ударить. Я так рад, что тогда оказался рядом.

У Юли перехватывает дыхание. Глеб, такой прямолинейный, не стесняющийся в выражениях. Совсем не романтичный. С которым они знакомы-то всего пару месяцев. Но он ее так понял... Сказал ей такое... Более прекрасных слов она в жизни не слышала. На глаза наворачиваются слезы. Хорошо, что темно. И кстати...

— Ты мне обещал. Кое-что показать.

— Да?

— Точно!

— А давай не будем включать свет. Может, ты как-нибудь так... На ощупь...

На ощупь тоже хорошо. Но какой же он огромный! Едва умещается в ладони. Как же он поместится у нее во рту? От желания проверить сводит скулы и рот наполняется слюной. На смену ладони приходят ее губы. Глеб вздрагивает как от удара.

Едва удастся. Уместить его. И язык мешает. Юле становится неловко. Черт, она в первый раз оказалась в такой ситуации. Когда он такой большой, что она просто не знает, как ЭТО сделать. Глеб издает низкий сдавленный стон. А потом... вдруг... как-то. Все получается само собой...

И язык уже не мешает. Наоборот. И Юля ловит себя на мысли. Что он создан для этого. Чтобы она ласкала его ртом. Так горячо. Так самозабвенно. Он становится... До этого был — твердый. Теперь — просто каменный. Пульсирующий. Под тонкой кожей вздуваются вены... У Юли внутри все сжимается от сладкого предвкушения. Давай, малыш, давай...

Вместо этого — боль. Резко дергает ее за волосы. Отталкивает от себя. Рычит: «Что ж ты делаешь!». Опрокидывает на спину. Боги сегодня благоволят к Глебу, и у него опять получается одеть резинку с первой попытки. Врезается в нее одним мощным движением. Повторяя: «Что ж ты делаешь!».

В глазах закипают слезы.

— Глеб, мне больно!

— Ох, прости! — делает попытку отстраниться.

— Волосы отпусти, больно.

— Прости, — еще раз повторяет он, низко наклоняясь, прямо в ушко. — Прости.

— Зачем ты меня остановил?

— Блин, Юлька! Я чуть не кончил! Ты, что, хочешь, чтобы я кончил прямо тебе в рот?!

— Да, — томно, на выдохе. Прямо ему в ухо: — Очень. Хочу.

От этих слов его скручивает так, что он успевает сделать лишь пару движений. И все.

* * *

Теперь отъезжает Глеб. Голова и тело абсолютно пустые и невесомые. Наисладчайшие воспоминания наползают в голову, словно туман, чтобы превратиться в сновидения...

— Глеб, почему ты... остановил меня?

С трудом открывает глаза. Юлин голос. Вспоминает ее последние слова перед его оргазмом. О, черт, это опять его заводит!

Притягивает Юльку поближе к себе, крепко обнимает.

— Юль, я, наверное, должен кое-что сказать тебе...

Ох, как ей не нравится этот серьезный и как будто бы виноватый голос.

— Да?

— Я женат... был.

Убила бы его за эту паузу между двумя последним словами! Не может удержаться от вопроса.

— А сейчас?

— Уже четыре года как в разводе.

Она не должна спрашивать, но не может молчать...

— У тебя есть дети?

— Нет. Ну, не считая Масыни...

Хочется глубоко и облегченно выдохнуть. Блин, Глеб, как ты меня напугал! Или это еще не все?

— Спасибо, что сказал. Но какая связь?

— Да так... — Глеб скупно усмехается. — Ты спросила... Супруга бывшая припомнилась. Я один раз имел... неосторожность. Не успел... Короче, кончил ей в рот. Такого потом наслушался. Она ж у меня тоже доктор. Как это негигиенично. И сколько я ей бактерий оставил. И что... В общем, я теперь очень аккуратный. И осторожный.

Юля молчит. Пытается задавить в зародыше проснувшуюся ревность. Пытаясь не думать о том, что какая-то другая делала то же, что и она. Да еще и ругала его!

— Знаешь, я не доктор. И на бактерии мне плевать. Знать ничего не хочу. Я хочу. Чтобы ты. Кончил. Мне. В рот.

Рука подтверждает ее намерение.

— Что ж ты делаешь? — в третий уже раз стонет Глеб.

— Ну, пожалуйста, Глеб, я очень этого хочу.

Нет, это выше его сил.

— Нет уж, милая. Давай по очереди. И сейчас — моя.

Он выворачивается из ее объятий. Садится на колени и широко разводит ее ножки. Закидывает их к себе на плечи. Наклоняется. И последнее, что Юля слышит перед погружением в омут чистейшего наслаждения:

— Надо было все-таки включить свет.

Глава 7. На драккарах

Драккар(норв. Drakkar, от древнескандинавских Drage — «дракон» и Kar — «корабль», буквально — «корабль-дракон») — деревянный корабль викингов, длинный и узкий, с высоко загнутыми носом и кормой.

Юля смотрит на себя в зеркало. Волосы заплетены в косу, джинсы, свитер, кожаная куртка. Глеб попросил одеться попроще. Ну вот, проще некуда.

Он скоро должен приехать. Не виделась целую неделю. Она соскучилась?.. Нет! Она изнывала от желания его увидеть. Усилием воли заставляла себя не звонить каждый день по несколько раз. Засыпала, думая о нем. Просыпалась и, не открывая глаз, представляла себе его. Она так его хорошо теперь знала. Всего. От макушки золотисто-рыжих жестких волос до кончиков твердых, но бывающих такими нежными, пальцев. С закрытыми глазами могла его представить. Мягкую ироничную улыбку. Медовые глаза. Веселые, серьезные, затянутые дымкой наслаждения.

Ее диагноз ясен. Втрескалась. Как мартовская кошка. Точнее, уже апрельская. Можно даже с доктором Глебом не консультироваться. Даже лучше и не заикаться об этом.

Юля вздыхает. Глеб явно ею увлечен. Как может быть увлечен молодой здоровый мужчина привлекательной женщиной. И, собственно, чего уж прибедняться, не только как женщиной. Им интересно вдвоем. Им нравятся одни и те же книги, фильмы, музыка. Глеб умен и начитан, общаться с ним невероятно интересно. Сам Глеб не стесняется говорить Юле комплименты и восхищаться ее интеллектом. И даже когда они не совпадают во вкусах и мнениях, то это все равно... увлекательно. Глеб лишен предрассудков, и иногда ей удается его убедить. Но и сама она, благодаря общению с Глебом, на многие вещи стала смотреть иначе.

Но она-то не увлечена. Она-то... влюбилась. Любит. Да безумия. До боли. Ей хочется кричать об этом во время восхитительных, выворачивающих наизнанку оргазмов. Выдыхая его имя. Она кусает себе губы. До боли. До слез. Чтобы не выкрикнуть: «Глеб, я люблю тебя».

А он... Она чувствует... временами. Какую-то странную отстраненность. Замкнутость. Напряжение. Это трудно описать и сформулировать. Но она это четко ощущает. Своим резко обострившимся чутьем влюбленной женщины.

Звонит телефон.

— Юль, я внизу.

Да, он внизу. Выйдя из подъезда и жмурясь на яркое апрельское солнце, Юля видит. Огромный, черный, сверкающий сталью и матово блестящий кожей. И рядом с ним, прислонясь к сиденью и скрестив руки на груди. Великолепный, огромный, под стать своему моточудовищу, весь в черной коже. На руке покоится блестящий космический шлем. Его брат-близнец расположился на сиденье мотоцикла.

Глеб внимательно оглядывает Юлю с ног до головы. Одобрительно кивает.

— Молодец. Правильно оделась.

Протягивает Юле шлем.

— Поехали. Покажу тебе, что значит настоящий стритрейсинг.

* * *

Это реально страшно. Прижавшись к спине Глеба, Юля не выдерживает и закрывает глаза. Чтобы не видеть. Как огромный мотоцикл летит в потоке автомобилей. Как невозможно близко проносятся мимо окна оставляемых позади машин. Она, плюнув на гордость, попросила бы его остановиться. Если бы знала, как привлечь его внимание. Без риска перевернуться.

А потом они вырываются на простор загородной трассы. И тут Юля понимает, что такое НАСТОЯЩАЯ скорость. Она чувствует ее тем противным холодом в груди. Тем реальным холодом летящего навстречу ветра. А потом она устает бояться. И остается только большая, теплая и такая надежная спина. И уверенность в том, что все будет в порядке. Потому что это Глеб. Ее Глеб.

Сбросив скорость, грозный Кавасаки сворачивает на укатанный проселок. И через пять минут они оказываются... на берегу реки. Высокий, крутой. С которого прекрасно видно свободную ото льда воду.

Глеб снимает шлем, перекидывает ногу через сиденье. Встает, протягивает Юле руку.

— Ну, как тебе?

Юля тоже снимает шлем. Волосы влажные.

— Страшно...

— Почему?

— Ты хоть представляешь, как быстро ты едешь?

— Ну и что? — Глеб пожимает плечами. — Я не делаю ничего, в чем не был бы уверен.

— С пассажирского места все выглядит несколько иначе...

— Да? Согласен, — Глеб внимательно смотрит ей в глаза. — Мне иногда тоже кажется, что ты могла ездить чуть... аккуратнее.

— Что? — возмущенно ахает Юля. — Ты считаешь, я плохо вожу машину?..

— Нет, — спокойно отвечает он. — Я просто не всегда согласен с принимаемыми тобой в той или иной дорожной ситуации решениями. Но я молчу. Потому что считаю, что тебе виднее. А еще я тебе доверяю. А вот почему ты не доверяешь мне?

Хороший вопрос. Правильный.

— Я доверяю тебе. И в конце уже перестала бояться. Прости меня.

— Просто верь мне.

А потом они стоят на берегу и смотрят на реку. Глеб обнимает Юлю сзади, пряча лицо в ее волосах.

— Юля, Юля.... — шепчет он. — Что же нам делать дальше?

Зародившийся в груди холод стремительно расползается по всему телу.

— Тебе плохо со мной? — главное, чтобы не дрожал голос.

— Господи, нет! Мне в жизни так хорошо не было... — Глеб наклоняется вперед и приживается щекой к ее щеке. — Вот только....

— Что только?! — задавить, убрать из голоса эти панические нотки!

Он молчит. Вздыхает.

— Ладно. Не обращай внимания. Это мои заморочки. Я что-нибудь придумаю...

Что он придумает?! Юле хочется повернуться и как следует встряхнуть его. Да что толку. Все равно не скажет ничего...

* * *

Глеб смотрит на лицо отца сквозь выпуклое стекло барокамеры. Улыбается ему.

— Ну, что, Гагарин? Где твое «Поехали?»

Отец берет в руки переговорное устройство.

— Глеба, а чего так холодно здесь?

— Привыкай. Открытый космос. Ладно, про конфету не забудь, если будет уши закладывать. Я через полчаса вернусь.

По-хорошему, надо было потратить эти полчаса на заполнение историй болезни. А вместо этого он сидит и смотрит в окно. За окном яркий солнечный апрель. Вот так же, по весне, в старших классах школы, сидел и пялился в окно. На уроках ненавистного ему обществоведения. Мечтая обо всех подряд симпатичных девчонках. Прикидывая, как бы замутить с одной из них. С Танькой, например. У нее такая классная задница.

Глеб закрывает лицо ладонями. Сейчас бы ему эти проблемы! Он уже замутил с самой классной девчонкой, какую когда-либо встречал. Вот только что теперь с этим делать, скажите на милость? Глеб фыркает. Придумал тоже! Девчонка... Женщина... Великолепная, красивая, умная. Утонченная и веселая одновременно. Такая, которая встречается один раз в жизни. Которую хочется схватить в объятия и никогда никуда не отпускать. Любить. Холить. Оберегать.

И что же ты можешь предложить такой женщине, Глеб Николаевич? Такой, которая привыкла ко всему самому лучшему. Которая, к слову сказать, добилась этого самого лучшего сама, исключительно благодаря своему уму, способностям и трудолюбию. Что? Однокомнатную квартиру? Зарплату, которая не покрывает даже текущие нужды? Есть еще, правда, довольно стабильные «левые» доходы, их-то как раз и хватает на то, чтобы сводить конца с концами. Но не более. На хрустальный дворец для снежной королевы точно не хватит.

Глеб до боли стискивает зубы. Да, возможности зарабатывать больше у него есть. И он видит такие примеры перед своими глазами. Травматология — денежное дело, если подойти к этому с выдумкой. Только вот... При этом начинаешь видеть не столько людей с их бедами и проблемами, сколько стоящие за ними деньги. А потом и вовсе перестанешь замечать людей.

А он не мог так! Он любил свою работу, как бы идиотски и пафосно это ни звучало. И не хотел заниматься ничем другим. Лично ему денег хватало. Ему вообще много не надо.

Глеб не выдерживает и стонет в прижатые к лицу ладони. Просто замкнутый круг какой-то! С Юлей нельзя так! Она не та женщина, с которой можно бесконечно долго продолжать легкие, ни к чему не обязывающие отношения. Такой, как она, нужно предлагать все. Складывать к ногам и смиренно ждать ее решения. Да только ему

нечего принести. Ему до боли хочется, чтобы все было по-другому. Если бы было возможно... Если бы он знал... Если бы он мог... Изменить себя. Воистину, когда Господь Бог благоразумие раздавал, Самойлов где-то в другом месте ошивался!

Дверь в ординаторскую распахивается с громким стуком. Глеб вздрагивает и отнимает руки от лица, поворачиваясь в сторону двери. На пороге — постовая сестра, Оля.

— Глеб Николаевич! — распахнутые глаза и задыхающийся голос.

— Кто? — Глеб уже на ногах. Особо тяжелых больных у него нет, но за столько лет он всегда готов к худшему.

— Несчастье, Глеб Николаевич, — Олины губы дрожат и кривятся, — с отцом вашим...

* * *

Глеб смотрит на лицо отца сквозь выпуклое стекло барокамеры. К тому времени, когда давление наконец-то поднимается, и камера открыта, отец уже пятнадцать минут как мертв. Это потом, уже после вскрытия, он узнает, что причиной остановки сердца стал оторвавшийся тромб. И вопросы «Почему?», «Зачем?» и «Кто виноват?» станут абсолютно ненужными. А сейчас он смотрит в мертвое лицо отца, и в голове бьется только одна мысль: «Как я скажу об этом матери?».

Глава 8. Похороны вождя

Вождь — он и есть вождь. Что тут непонятного.

Совсем не так хотела Юля познакомиться с родителями Глеба. Впрочем, из родителей у него теперь осталась только мать. Глядя на невысокую, с заплаканными глазами и растерянной улыбкой женщину, Юля испытывала смешанные чувства. Бесконечная жалость. Желание помочь. Несмотря ни на что — удивление тем фактом, что эта миниатюрная женщина — мать такого богатыря. А еще... досада. Потому что Юля видела: Валентина Ивановна была совершенна подавлена. Растеряна. Ни на что неспособна. И вся тяжесть организации такого нисколько не радостного события как похороны собственного отца легла на Глеба. При взгляде на серого от горя, переживаний и грустных, но обременительных хлопот Глеба у

Юли сердце рвалось на части. Он был серым не в переносном — в прямом смысле. Осунувшийся. С темными кругами под потухшими глазами. Казалось, серыми стали даже упрямые «рыжики». Знать бы, как ему помочь... Он совершенно замкнулся в себе. На все ее вопросы и предложения помощи ответ был один: «Спасибо, Юль. Все нормально. Я справлюсь».

— Вы, Юленька, располагайтесь, где удобно. У нас так... не прибрано.

— Не беспокойтесь, Валентина Ивановна. Я все понимаю, — у Юли было стойкое ощущение, что через пару минут мать Глеба забудет, как она зовут и кто она такая. Обижаться не стоило. Такое потрясение.

Их разговор прерывает звонок в дверь. Юля отходит к окну. Наверняка пришли какие-то родственники. По Юлиному мнению, толку от них не было, только еще больше хлопот и без того совершенно подавленному и разбитому Глебу.

— Оксаночка!

Валентина Ивановна бросается на грудь вошедшей в комнату молодой женщине. Рыдает, всхлипывает. Слышится что-то невнятное. То, что обычно говорят в таких случаях. Горе-то какое... Так неожиданно... Еще жить да жить...

— Оксаночка! Коля так по тебя скучал. Вспоминал тебя часто, — Валентина Ивановна понемногу успокаивается. — Мы так расстроились, когда вы с Глебом разошлись. Все ждали, надеялись. Вдруг сойдетесь...

Юля замирает. Так вот кто эта Оксана. Они еще о чем-то говорят, а Юля незаметно выскальзывает из комнаты. Проходит на кухню. Там все чисто и прибрано. В раковине стоит пара кружек и тарелка — видимо, осталось после завтрака. Глеб в последние дни ночевал у матери. Не думая, что делает, Юля подходит к раковине и начинает нарочито медленно и тщательно мыть посуду. Лишь бы не слышать их голосов.

— Юлечка, ну что вы! Зачем? Не надо, — на кухню заходит Валентина Ивановна.

— Да все в порядке. Мне не трудно.

— Хотите чаю?

— Нет, спасибо. Я поеду домой. Вам отдохнуть надо. А где Глеб?

— Он в своей комнате. С Оксаной.

«Он развелся с ней четыре года назад. Он не принадлежит ей. Он — мой» — уговаривает себя Юля, но помогает плохо. Он — не ее. Он...

Запутавшись в своих мыслях, она открывает дверь в комнату.

Оксана сидит на диване. Она ничего, симпатичная. Немного полновата, но лицо приятное, открытое. А Глеб...

Глеб стоит на коленях рядом с диваном. Уткнувшись лицом в Оксанины колени. Она гладит его по волосам. Плечи его содрогаются. Глеб... плачет.

От увиденного у Юли перехватывает дух.

— Простите, — бормочет сдавленно. Поворачивается резко, чтобы уйти. Убежать. Исчезнуть. Не видеть. Но все-таки недостаточно быстро. Глеб реагирует быстрее. Поднимает голову. Поворачивается к двери. И Юля видит. Опухшее заплаканное лицо.

— Извините, — заикаясь, повторяет она. — Глеб, я пойду. До свидания.

— Подожди, — тыльной стороной руки оттирает слезы со щек. — Я провожу.

Тяжело поднимается с колен. Куда делась его легкость и непринужденность в движениях?

Они подходят к входной двери. Глеб помогает Юле надеть плащ, избегая смотреть в глаза.

— Ну, пока, — робко говорит она.

— Я провожу тебя до машины. — упрямо отвечает ей он.

Так же молча спускаются вниз.

— Завтра приедешь?

— Конечно. Во сколько?

— Панихида в два. Приезжай к половине.

— Хорошо. До завтра.

— До завтра. И... — он наконец-то смотрит ей в глаза. Упрямый, вызывающий и одновременно очень несчастный взгляд. Юля видит, как играют желваки на его лице, — это не то, что ты подумала.

Юля кивает. Садится в машину.

* * *

Все события этого дня нанизываются друг на друга, как серые пыльные бусины.

Панихида. Молодой и совершенно равнодушный батюшка. Теснота небольшой церквушки. Удушливый запах ладана.

Унылое бесприютное кладбище. Хмурится даже солнечный яркий апрель. Юля стоит в стороне, глядя на обнявшихся у гроба Глеба с

матерью. Там же рядом и Оксана. Черт с ней! Юле хочется только одного — понять, как ей помочь Глебу. Хотя бы как-нибудь облегчить тяжесть, прижимающие к земле эти широченные, раньше — гордо расправленные плечи.

Поминальный обед. Юля вроде бы рядом, но не с ним... Глеба постоянно дергают. Родственники, знакомые, какие-то чужие люди. Потом он вообще куда-то уходит... Юля задумчиво оглядывает зал кафе. Обычный банкет. Легкий шум. Кто-то уже подгулял. Скорбный шепот сменился нормальными голосами.

К Валентине Ивановне подходит какой-то человек. Пытается что-то у нее выяснить, потом оглядывает зал. Видимо, пытается найти Глеба. Юля перехватывает его взгляд и вопросительно кивает. Подходит.

— Простите, но вы... родственница... покойного? Из семьи?
Неопределенно кивает головой.

— А в чем дело?

— Ну... уже обед заканчивается... Надо бы расплатиться. Остаток внести.

— Сколько?

Вот не напрасно она уже несколько дней носит в портмоне крупную сумму наличными. Предполагала, что может понадобится. Хотя Глеб категорически отказывался от предложений помочь материально.

Отсчитывает необходимую сумму. Смотрит в глаза сотрудника кафе.

— Расходник оформите. Тогда отдам.

Тот утвердительно кивает. Утвердительно и удивленно.

Глеб возвращается как раз в тот момент, когда сотрудник кафе уходит с деньгами, а Юля прячет расходный ордер в сумку.

— Это что такое? — хмурится.

— Я остаток за поминальный обед заплатила.

— Зачем? Я сам. Я справлюсь, — он злится.

— Ну, что в этом такого... Мне не трудно.

— Я все сделаю сам! Понятно? Сам! Сколько я тебе должен? — у него уже нет сил, чтобы ругаться. Говорит негромко. Но очень резко и зло.

— Расходный ордер у меня. Потом... сочтемся, — Юля тоже может быть упрямой.

Глеб отворачивается. Почему он не может напиться!? Чтобы заглушить эту ноющую боль... Чтобы заполнить это разрывающую

грудь охлаждающую пустоту внутри. Чтобы забыть, что выхода нет из замкнутого круга. Он его и раньше-то не видел. А сейчас... Сейчас и подавно. Круг замкнулся. Хотелось запрокинуть голову и по-волчьи взвыть. Но у него нет права на слабость. Пока рядом Юля. Вот она бы справилась. Пока у него есть куча дел и обязательств. Перед матерью. Перед родственниками. Перед покойным отцом.

Но потом... потом... Когда он будет один. Потом он будет баюкать свое горе. Свои разрушенные надежды. Свою погибшую мечту. А сейчас... сейчас он должен быть сильным. Стиснуть зубы и терпеть.

Глава 9. Рагнерек

Рагнарёк(нем. Ragnarök) в германо-скандинавской мифологии — гибель богов (судьба богов) и всего мира, следующая за последней битвой между богами и хтоническими чудовищами.

Он наконец-то один. У себя дома. Вчера было девять дней со смерти отца. очередной поминальный обед. очередной выворачивающий душу день. очередная ссора с Юлькой из-за денег.

Он бы справился. Он бы смог. И в то же время ненавидел себя. За свою слабость. За то, как тяжело ему пришлось хоронить отца. Тяжело морально. Финансово. Организационно. Не хотел, чтобы Юля видела его таким. Слабым. Разбитым. Растерянным. Он хотел быть для нее сильным. Надежным. Способным защитить, решить проблемы. Это ее нужно любить. О ней заботиться. Ее оберегать.

А вместо этого... Ему самому хотелось свернуться в клубок, забиться в темный угол и... Плакать? Нет. Слезы закончились где-то внутри. Одного раза хватило, когда Юлька видела, как он... Напиться? Тоже нет. Будет только хуже.

Просто ждать. Потому что он уже не мог ничего сделать. Невозможно исправить или починить то, что и без того было до невозможности хрупким. У них с Юлькой и так было немного шансов. А после того, как он вел себя как последняя скотина, их не осталось совсем. Нет ни малейшей мысли по поводу того, как это можно исправить. Да и что теперь можно было сделать... Осталось уповать только на время. Может быть, оно поможет заглушить эту боль. Как врач он знал, что боль не может длиться бесконечно. Когда-

нибудь она утихнет. А ему остается... Стиснуть зубы и терпеть. Свернуться, забиться в темный угол...

Звонок в дверь.

Не открывать. Никого видеть не хочет. А потом по сознанию полоснула мысль: «А вдруг это Юля?». Он не мог от нее прятаться. И, несмотря ни на что, хотел ее видеть.

Открыл дверь. На пороге — Оксана.

— Привет.

— Привет.

Глеб удивлен. Они не разговаривали со дня похорон отца. Молча смотрит на нее.

— Смотри, что у меня есть, — Оксана достает из сумочки бутылку коньяку. — Давай помянем твоего отца... по-семейному.

* * *

За окном дождь. Нет, даже не так. За окном — ливень. Надвигается первая майская гроза. По оконному стеклу бегут потоки воды. По Юлиным щекам — слезы. Она оплакивает. Отца Глеба. Его горе. Их вконец испортившиеся отношения. Свою безответную любовь.

Заместитель директора банка плачет, закрывшись в своем кабинете. Некрасиво шмыгает носом. С ресниц капает тушь. А в голове — одни только «Почему?».

Почему он так отдалился от нее? Почему не позволял помочь? Почему орал и злился, когда она все-таки, против его воли, оказывала посильную помощь? Почему он плакал, уткнувшись в колени своей бывшей жене, а ей не позволял даже малейшей попытки пожалеть себя?

Полутемный кабинет освещается вспышкой молнии. На Юлиных щеках блестят дорожки слез. Через пару секунд слышится близкий и оглушающе громкий раскат грома. Следом — еще одна гроздь молний озаряет кабинет. А Юлино сознание озаряет неожиданная мысль.

Глеб боится показать перед ней свою слабость. Перед Оксаной — не боится быть слабым. А с ней... потому что... Потому что хочет, чтобы она знала его только с самой лучшей стороны. Потому что... Может быть, потому что... он любит ее? Эта мысль обжигает.

Она была нужна ему. Вместо того чтобы обижаться на него, надо было не обращать внимания на его рычание и отказы. Показать, что он может на нее рассчитывать. Что она любит его, несмотря ни на что. Да просто надо было сказать, что она его любит! Наплевав на

гордость. Потому что ему было все эти дни в сто раз хуже, чем ей! И она должна была помогать, утешать и поддерживать его. Черт подери, это на ее коленях он должен был плакать! И это совершенно не стыдно. После всего того, что ему пришлось пережить.

Юля резко встает, походит к зеркалу. Противно. Стыдно. Рыдать и жалеть себя, в то время как любимому человеку в разы хуже и тяжелее, чем ей. Оттирает пальцами размазанную тушь. Потом подходит к столу, нажимает кнопку интеркома.

— Маша, я уезжаю. Отмени совещание.

* * *

Почему она решила не звонить в дверь, а открыть отданным ей несколько дней назад запасным ключом, Юля не очень четко понимала. Думала, что он, возможно, спит, после вчерашних поминок и связанных с ними хлопот. Хотела посидеть тихонько рядом и посмотреть на любимое лицо.

Стараясь не шуметь, открыла дверь. Заглянула в комнату. И не поверила своим глазам.

Опять они. Снова на диване. На этот раз Глеб не плачет. Ему... не до слез. Рубашка наполовину расстегнута. Под рубашкой, на его груди, прямо... под сердцем... Оксанина рука. И они целуются.

Трудно идентифицировать звук, который вырвался у Юли, когда она это увидела. Но он был громким.

— Юль! — Глеб резко вскакивает на ноги.

— Черт! Я опять не вовремя. Извини, — какую чушь она несет! Но сознание совершенно парализовано открывшейся картиной. — Я думала, ты спишь...

Она слепо поворачивается к входной двери. Слезы. Они опять застилают глаза.

— Юль, подожди, — он на ходу застегивает рубашку.

Юля поворачивается, не пряча слез. Лишь пару раз моргает, чтобы четче видеть лицо Глеба.

— Что, это опять не то, что я подумала?

Он резко останавливается. Собственно... Почему бы не так... Ему все равно уже больно так, что дальше некуда. А Юля... Пусть думает, что он совсем уж распоследняя скотина. Так ей будет проще. Его забыть.

— Да нет, — отвечает, глядя прямо в ее полные слез глаза. Пальцы его останавливаются, так и не закончив застегивать рубашку. — Это именно то, о чем ты подумала.

Он пожалел о своих словах, едва успев произнести их. Потому что никогда не видел столько боли в одном взгляде.

— Нет, постой... — хлопнувшая дверь заглушает его слова.

— Глеб?.. — сзади подходит Оксана.

Он поворачивается к ней.

— Вот зачем тебе это надо было? А?..

— А тебе? Тебе это не надо было? Глеб, ну, правда же... Тебе надо отвлечься. Забыть...

— Забыть?! — он не выдерживает и срывается на крик. Делает глубокий вдох в бесплодной попытке унять подступающие гнев и панику. Если кто и виноват в сложившейся ситуации, то только он. Он сам. Уже спокойнее добавляет: — Ты полагаешь, что секс может заставить меня забыть о том, что у меня больше нет отца? Или о том, что я вел себя последние две недели как последний мерзавец? Или о том, что только что до смерти обидел любимую женщину?

Он опять... почти кричит. Потому что понимает, что он наделал. Он ее предал. Предал женщину, которую любит больше жизни. Которую собственноручно спас, после того, как ее предал другой. Такой же урод и скотина, как и он сам. Господи, Юлька, что же я наделал!?!?

— Уходи, — цедит сквозь зубы, открывая шкаф и доставая куртку.

— Глеб, ты что... выгоняешь?

— Просто. Уходи.

— Она кто? У тебя с ней что — серьезно?

— Уходи!!! — уже орет он. Хватает с полочки ключи от мотоцикла. — Или я закрою тебя здесь!

* * *

Ехать на мотоцикле под проливным дождем... непросто. Но ему было очень нужно. И он мчался по городу. Сквозь плотные струи дождя. Сквозь всполохи молний и грохот грома. Аппарат абонента выключен... А самого абонента нет на работе. Глеб уже был там. И никто, включая Юлиного босса и секретаршу Машу, не знает, где Юлия Юрьевна. Маша вообще потеряла дар речи при виде огромной, насквозь промокшей фигуры с мотоциклетным шлемом в руке.

Теперь он ехал к ней домой. Старательно отгоняя воспоминания об их первой встрече. А что, если сидит опять где-нибудь на лавочке, насквозь промокшая? Это опять пневмония. Вторая за полгода. Юленька, прости меня. Только бы найти...

Или еще хуже... Мчится куда-нибудь сквозь грозу на своем бегемоте в своей обычной манере. Стекло заливают дождь. Наверняка

плачет. Черт, черт, черт!!! За свою профессиональную карьеру он столько повидал... последствий того, что делает с человеческим телом автомобильная авария, что при мысли о возможном исходе такой поездки волосы шевелились на затылке.

Бросил мотоцикл у подъезда. Бегом поднялся и позвонил в дверь. Безрезультатно. Тишина.

Спустился на подземную парковку. Охранник отрапортовал, что Юлия Юрьевна не приезжала.

Оставалось одно. Выйти на улицу. Сесть на скамейку. Рядом с брошенным мотоциклом. И ждать. Слушая, как колотится в груди перепуганным зайцем сердце. Ощущая, как разворачиваются и сворачиваются в животе холодные липкие кольца страха за Юлю. Давя подступающий к горлу ужас. С каждой уходящей минутой. Не чувствуя холода. Ничего, кроме все нарастающей и нарастающей паники.

Глава 10. О чем знают норны

Норны — вгермано-скандинавской мифологии три женщины, волшебницы, наделенные чудесным даром определять судьбы мира, людей и даже богов. Норны живут возле источника Урд, в Мидгарде. Они поливают корень мирового дерева Иггдрасиль водами этого источника и тем продляют его существование.

Он даже не поверил своим глазам, когда увидел въезжающий во двор Юлин мерс.

Оттер с лица воду. Проводил взглядом машину, свернувшую на подземную парковку. На совершенно ватных от отпустившего напряжения ногах двинулся следом.

Внутри оказался одновременно с вышедшей из припаркованного мерса Юлей. Оглядел ее внимательно. Вроде бы все в порядке, не считая заплаканного лица. Она же скользнула по нему пустым невидящим взглядом и повернулась к дверям лифта. Упрямо сжав зубы, встал за ее спиной. Просто так он не уйдет.

Юля вела себя так, как будто его и нет вовсе рядом. Войдя в квартиру вслед за ней, быстро скинул на пол мокрую насквозь куртку. Впрочем, рубашка под ней была точно такая же мокрая, но не

снимать же и ее... Попытался помочь Юле снять плащ, но она резко шагнула в сторону от его рук на своих плечах. Черт!

Они прошли в комнату и... Нет, ну сколько можно делать вид, как будто его здесь нет!

— Я никуда не уйду! Пока ты меня не выслушаешь.

«И пока ты не простишь меня» — хотел он добавить, но не решился сказать, боясь услышать категорическое «Нет». Вместо этого сказал:

— Буду здесь. Все время. Как пес цепной. Возле двери.

Он вздохнул, пытаясь унять дрожь в руках и голосе.

— Юля... Не было ничего... Я... просто... дурак... И... прости меня...

Он не верил сам себе. Своему жалкому неуверенному голосу. И просто не знал, что еще сказать.

Резким движением Юля сбрасывает с плеч жакет. И по-прежнему молчит.

Глеб вздыхает. Нервно запускает руку в волосы. Черт! Надо признаваться во всем и сразу. Хуже уже все равно не будет.

— Юля, — разговаривать приходится с ее спиной. Что ж. Он это заслужил. — Я знаю, что вел себя как последний дурак. Но... у меня были причины. Позволь, я... Просто выслушай меня.

В ответ — лишь молчание. Но это лучше, чем откровенный отказ.

— Я до последнего не мог принять.... — Глеб продолжает, хотя все внутри него протестует против произнесения этих слов. — Я долго не мог смириться... С тем, что ты... успешнее меня. Что у тебя есть высокооплачиваемая престижная работа. Шикарная квартира. Дорогая машина. Я не знал, что могу тебя предложить.

А она все молчит. Стоит, повернувшись к нему спиной. Засунув руки в карманы брюк. Смотрит в окно. Но он точно знает, что она его слушает. Очень внимательно.

— А теперь я понял... Это все не важно. Не главное. Я готов быть твоим... — он нервно сглатывает, но упрямо продолжает: — мальчиком на содержании. Комнатной собачкой. Мне плевать, что моя... девушка зарабатывает больше меня. Лишь бы быть с тобой.

На самом деле, ему было не плевать. Он врал. В первую очередь себе. Но главное знал точно. Все неважно по сравнению с возможностью быть с ней. Без нее все теряло смысл.

Юля поворачивается. И наконец-то смотрит ему в глаза.

— У тебя больше нет состоятельной девушки. Которая зарабатывает больше тебя.

Глебу кажется, что пол уходит у него из-под ног. Те самые слова, которые он так боялся услышать. Что она больше не его. Он потерял ее.

Его начинает быть липкая мелкая дрожь.

Юля на какое-то время отводит взгляд. Смотрит в окно.

— Думаешь, я не понимаю этого? Того, что стояло между нами все это время. Разница в социальном положении... Деньги... Эта моя высокооплачиваемая работа! Будь она проклята! Все, у меня ее больше нет.

Снова поворачивает голову и смотрит ему в глаза.

— Я уволилась. К черту все! Нет у меня больше этой долбанной работы! Что это меняет?

Если бы она не была так разбита и подавлена, она бы расхохоталась. Над выражением крайнего неподдельного изумления, отразившемся на его лице. Даже рот приоткрылся.

— Ты... уволилась?

— Да!

Все до единой мысли разом вылетели у него из головы.

— Юленька... Это из-за... из-за меня, да?

— Да!

Чем он заслужил такую женщину? Которая готова рискнуть и отдать все, лишь бы быть с ним. А он... он... Он обязательно исправит все, что успел испортить. Ради нее.

— Юля... — шагнул к ней, мечтая прижать к себе и вышептать ей в висок все, что накопилось в душе.

— Нет! — метнулась от него в сторону, к окну. — Не подходи ко мне!

Да что ж такое?!

— Юля, я не понимаю...

— Не подходи ко мне! Не надо...

Он весь растерзан, порван в клочья событиями последних недель, он не соображает ни черта, он явно упускает из виду что-то важное. Что происходит? Вообще и с Юлей в частности? Она же ведь...

— Юль, ты же из-за меня уволилась?

— Да, — тихо в ответ.

Вдохнул поглубже, чтобы решиться и спросить. Ну, сколько можно ходить вокруг да около?!

— Ты... ты же любишь меня, да?

Молчание. И потом еще более тихое:

— Да...

Внутри как будто открываются какие-то шлюзы. Его затапливает облегчение. И руки сами собой тянутся к ней. Обнять, прижать к себе и сказать ответное...

— Не подходи ко мне, Глеб!

Твою мать!!! Кто ему объяснит, что происходит?! Любит — и при этом подходить к ней не моги!

— Юлька! — он уже практически орет. — Я люблю тебя! Что за дурацкие игры! Я люблю тебя, слышишь?! Не могу без тебя! На все готов ради того, чтобы быть с тобой! Перестань... Прости меня. Я был осел, но я все исправлю, обещаю...

— Ничего не исправишь, Глеб...

Его уже достали эти чертовы ребусы! Скрестил руки на груди, упрямо выдвинул подбородок.

— Объясни мне, если не сложно. Я твою логику не улавливаю, совершенно. Ты меня любишь, вон из-за меня даже с работы уволилась. Я тебя люблю, и готов плюнуть на все, включая то, что ты раз в несколько меня состоятельнее. И, знаешь что? Я совершенно не настаиваю на том, чтобы ты уволилась. Можно было этого не делать, для меня это уже не важно. Ты — единственное, что мне нужно. В чем проблема?

Она молчит. В окно смотри и молчит. И потом — спокойно, ненормально спокойно и негромко:

— Это не изменит того, кто мы...

— И не должно!

Она поворачивает голову к нему, и Глеб видит — ее глаза полны слез. Но голос — по-прежнему негромок и размерен. Это ему не нравится, ох, как не нравится.

Она качает головой. И первая слезинка срывается, и он заворуженно смотрит, как она катится по бледной щеке.

— Нет, Глеб...

— Какого черта «нет»?!

— Ты... ты не сможешь...

— Давай я сам решу, что я смогу, а что нет!

— Вот... — Юля грустно, сквозь слезы, улыбается.

— Что — «вот»?!

— Вот в этом ты весь. Ты привык все решать сам. Ты сильный, гордый. Ты не сможешь... с этим жить. Ты не сможешь... жить со мной. Ты меня возненавидишь... рано или поздно.

— Что за бред!!! — взрывается Глеб. — Это полнейшая чушь!

Понимая, что убедить словами у него не получается, стремительно шагает к ней, руки на плечи, и выдыхает ей в волосы:

— Юленька... Ну, Юленька... Все совсем не так. Я люблю тебя.

И ее ответное:

— Уходи, — всхлип. — Пожалуйста, — рукой прикрывает рот, давя рыдание. — Пожалуйста, Глеб, уходи. Сейчас же!

— Юль, да что происходит?..

— Уходи!

Очень похоже на истерику. Разговаривать в таких ситуациях бесполезно, но он делает последнюю попытку.

— Юль, давай я тебе налью чего-нибудь? Где у тебя?..

— Уходи!!!! — надрывным криком, со слезами.

Ушел, бросив на прощание:

— Я завтра позвоню.

Его шаги, грохот захлопнувшейся двери — все это звучит в ее ушах похоронным маршем. Она ничего не понимает, ровным счетом ничего. И нет уверенности, что поступает правильно. Но она не видит ничего хорошего впереди. Нет, то, что случилось во время этой грустной истории со смертью отца Глеб — оно бы только дальше развивалось, ширилось, и, в конце концов, задушило бы их отношения. Лучше уж так... пока он ее любит... а не ненавидит, не видит в ней живое напоминание о том, что его любимая работа, которой он отдает всего себя, всю свою энергию, свой талант — эта работа не приносит ему достойного дохода. Пусть помнит о ней, когда любил ее. А не ненавидел.

Пусть он будет счастлив с кем-то — пусть даже с той же Оксаной, вон она как к нему льнет. Пусть. Пусть. Пусть он будет счастлив с кем-то. И помнит, как он любил ее, а не ненавидел.

Глава 11. Все дороги ведут в Нифльхейм

Нифльхейм, иногда Нифльхайм (др. — нор. Niflheimr — обитель туманов) — в германо-скандинавской мифологии один из девяти миров, земля льдов и туманов, местообитание ледяных великанов, один из первомиров.

— Ну, что, вся дурь из тебя вышла?

— Почти.

— Даю тебе еще один день, и чтобы послезавтра на работе была.

— Два дня.

— Хорошо, — соглашается Тихонов. — Два так два. Но ни днем больше!

Едва успевает нажать отбой, как снова, разрывающей душу трелью — входящий. Не считано какой за сегодня. Она знает, кто это. И она, конечно же, не возьмет трубку. И дверь не откроет. И когда-нибудь ему надоест. Он же гордый. Он не будет унижаться. Он же сильный. Он справится.

Сильный, гордый, умный, талантливый, любимый, единственный. Где взять силы, чтобы забыть тебя? Простить оказалось легко, а вот забывать будет невыносимо.

* * *

На звонки не отвечает. Дверь не открывает. Детский сад какой-то, честное слово. Ничего, он упрямый. Она же дома — вон, свет горит. Машина на месте. Не сможет же она неделями дома сидеть?

Познакомился с охранником. Тот поначалу пытался права качать: «Да кто ты такой, мужик? Что вообще тут делаешь?». Глеб емко и доходчиво объяснил тому, какие именно кости, связки и сухожилия повредит ему, если он не оставит его, Глеба, то есть, в покое. А потом дополнительно рассказал, как сам же окажет первую медицинскую помощь пострадавшему.

Виктор Алексеевич, уже не молодой отставной прапорщик, всю жизнь просидевший в военной части за колючей проволокой, оглядел здоровенного мрачного мужика, которой, судя по употребляемым непонятным и специфичным словам явно медицинского происхождения, был действительно врачом-травматологом, и решил: «Ну его... Себе дороже с таким связываться». И вместо этого сказал:

— Да ладно... не кипятись так... Чего случилось-то?

Выпили по чуть-чуть у Виктора в каморке. Глеб в пару предложений уложил всю свою беду: «Баба сердится на меня. Заперлась. Жду». Виктор понял — чего уж тут непонятного? Разве что — стоит ли столько времени тратить ради бабы? Впрочем, у этой вон какой Мерседес, так что, может, и стоит.

Глеб увидел ее только на третий день своего «дежурства». Вошла на подземный паркинг в столь ненавидимом им «костюме труппы» — черные брюки, серый с черной отделкой пиджак, эти острые как

скальпели шпильки, помада на губах. Вся в броне, его девочка...
Метнулся к ней.

— Юля...

Проходит мимо. Ясно, опять играем в игру «Глеб — человек-невидимка». Он на игры не настроен, совершенно! Он издерган, измучен весь, и поэтому без лишних церемоний хватает ее за руку.

— Нам надо поговорить!

Она поворачивает голову в его сторону. Лицо холодное, безжизненное, как маска. Губы с бордовой помадой выплевывают:

— Не надо...

— А я говорю — надо!

— Глеб... Я. Тебе. Уже все сказала. В прошлый. Раз, — она говорит медленно, четко выговаривая слова. И, резко вырывая руку: —
Отпусти меня!

Он так ошарашен, что отпускает ее руку. Из ступора его выводит писк сигнализации на машине.

— Нет, подожди!

— Прощай.

Садится в машину, хлопает дверью. А он так и остается стоять снаружи. Огорошенный и ничего не понимающий.

Они смотрят друг на друга через лобовое стекло Мерседеса. Она за рулем, он снаружи, перед капотом. Их дуэли взглядов аккомпанирует басовитое урчание шестицилиндрового немецкого мотора.

А потом машина трогается с места, медленно подкатывается, практически упираясь передним бампером ему в колено. И он отходит в сторону — что ему еще остается?

Машина проезжает мимо, в сторону открывающихся рольставен. А Глеб стоит и смотрит, как черный блестящий джип забирается по пандусу и исчезает в лучах бьющего в проем солнца.

* * *

Ощущение, что она в склепе. Все холодно, все постыло. О чем-то жужжит, раскладывая бумаги на столе, Маша. Отмахивается от нее.

— Оставь, я посмотрю.

— Что-нибудь нужно еще?

— Кофе мне сделай. Покрепче.

Маша уходит, а она невидяще смотрит на бумаги на столе. Чего они хотят от нее? Не видит ничего... Только его лицо через лобовое стекло мерса. Ох, как же больно рвать по живому! Но лучше сейчас,

чем ждать, когда он ее... предаст сам. Лучше уж уйти... первой. Пока силы есть вынести этот удар.

— Какие люди в Голливуде... Наконец-то. Приветствую. Юля, ты запрос из Центробанка видела?

Она вздрагивает. Даже не заметила, как в кабинет зашел шеф.

— Здравствуйте, Виктор Георгиевич. Нет, еще не видела.

— Та-а-а-к... Что такое?

— Ничего. Сейчас.

— Сейчас?.. — смотрит на нее изучающе. — Не похоже.

— Я сейчас... — произносит с нажимом, — посмотрю.

Обязательно.

Он молчит какое-то время. А потом:

— Сначала в себя приходи! А потом — ко мне в кабинет.

За Тихоновым закрывается дверь. Юля опускает голову на руки.

Как-то же надо жить дальше...

* * *

Все она ему врала! Про любовь. И про ненависть — кто в этот бред поверит? Как он может ее ненавидеть, когда так любит, что больно?! Может быть, и стоит ее возненавидеть за всю ту боль, которую она ему причинила. За это холодное лицо и безразличный голос. За пустое «Прощай» и надвигающийся на него капот мерседеса. Может, и стоило бы, да он не мог. Не мог ненавидеть ее. Как можно ненавидеть того, кого так любишь?

А правда была в другом, очевидная правда. Она не смогла простить ему того, что увидела. Его измены. Почти... измены. Впрочем, будь он на ее месте... Если бы ОН увидел ее, целующей другого... Убил бы сначала, а потом бы вопросы стал задавать. Вот и она... убила его, как смогла. И уволилась назло ему. Смотри, дескать, Глеб Николаевич, что ты наделал. Изменил мне, предал, и с работы я из-за тебя ушла. Логика в этом нет никакой, кроме одного — сделать ему больно. Еще больнее. Так же, как он сделал ей. Черт! Он все-таки все непоправимо испортил. И после этого... Ему ведь как-то же надо жить дальше... Хоть и не хочется. Но — есть обязательства. У матери никого нет, кроме него.

* * *

Время течет густой смолой. Дни тонут в нем как доисторические комары. И остаются янтарными сувенирами. День без тебя. Еще день. Еще один. И еще. Вперед, шаг за шагом. Туда, вперед. В пустоту.

* * *

— Юленька, как ни прискорбно, но совещание с коллективом придется проводить тебе. Ты же понимаешь — вызывают в Центробанк.

— Да, конечно.

— Юлия Юрьевна! Отставь этот похоронный тон! Я не собирался тебя подставлять! О кадровых сокращениях и урезании премий я должен сообщать. И весь негатив от этого — мой. Но, ты же понимаешь...

— Я понимаю. Я с вами поделюсь потом... негативом.

— Юля! Не нервируй меня!

— Не буду.

— Уволю!!!

— Увольняйте.

Тихонов вздыхает.

— Юля, ну так нельзя....

— Виктор Георгиевич, я все сделаю. Езжайте, не беспокойтесь.

— Точно?

— Точно. Мне не трудно.

Это нетрудно. Что ей чужие ненавидящие взгляды? Что ей очередной шепоток за спиной: «Вот ведь стерва»? Извините, уважаемые, ничего личного. It's a fucking business. Каков финансовый результат, таковы и меры. Они и так с Тихоновым бились с советом директоров до последнего. Убедили, что трудности банка носят временный характер, а вот собранный кадровый костяк профессионалов разбазарить нельзя ни в коем случае. Так что сокращения касаются в основном младших банковских служащих. А этих всегда новых набрать можно без потерь для дела. Только вот каждому его личные нужды гораздо важнее, чем абстрактные интересы какого-то бизнеса. Ну что ж, каждому и не объяснишь. Она и не собирается. Пусть ненавидят — ей все равно. Давно уже все равно.

Глава 12. Охота Одина

Один одноглазый — один свой глаз он отдал Мимиру, чтобы испытать из источника мудрости. Подобное самопожертвование во имя

мудрости — не редкость для Одина. В частности, чтобы постичь силу рун, он, принеся самого себя в жертву, 9 суток провисел на стволе ясеня Иггдрасиля, прибитый к нему своим же копьём Гунгнир.

Вероятно, Один не нуждался в пище — ряд источников (в частности, «Сага об Олафе Святом») намекает на то, что он никогда не ест, а живёт лишь тем, что пьёт мёд или брагу.

Во время зимних бурь Один в сопровождении погибших в боях проносится в небе. Эти выезды носят название «дикой охоты».

— Юленька, королева моего сердца, здравствуй!

— Здравствуй, Булат, — и про себя: «Ну, какого черта тебе надо?!»

— Что-то ты не очень радостно меня приветствуешь...

— Занята немного, Булат.

— Понял. Я быстро спрошу, хорошо?

— Спрашивай.

— У тебя... приятель был. Доктор травматолог, здоровенный такой. Внутри все цепенеет. Какого?!..

— Глеб, кажется, его зовут, — продолжает, как ни в чем не бывало, Булат.

— И что? — спрашивает осторожно, как сапер на минном поле.

— Беда у меня, Юлечка... — картинно вздыхает Сабанаев.

Восточный мужчина, что с него взять — все через край. Да и не о нем сейчас речь!

— Конкретней!

— Колено порвал. Про то, как болит, и как я хромаю — не буду тебе рассказывать, ты ж, бессердечная, меня не пожалеешь... — пауза — Булат, видимо, все-таки надеется на какие-то комментарии с ее стороны. Не дождавшись, продолжает: — И есть у меня нехорошее чувство, Юль, что меня наши доктора Айболиты на бабки разводят.

— То есть?

— Ну, увидели, что клиент состоятельный и давай — вот такие надо анализы сдать, вот такое обследование пройти. То одно, то другое. И все это так не кисло стоит.

— Булат, тебе деньги нужны?

— Юля! — возмущается Сабанаев. — Ну как ты можешь?! Я не бедствую. И в состоянии о своем здоровье позаботиться. Но и непонятно на что не хочу деньги тратить. Я вот хотел с твоим... Глеб же он?

— Да, — умудряется ответить Юля. «Твой Глеб». Не ее. Да и не был никогда, наверное.

— Вот. Хочу проконсультироваться с ним. Он же лишнего мне не присоветует?

Юля молчит. Что сказать Сабаневу? Что она уже четыре месяца не видела его? Не слышала его голос. Всего четыре месяца без него. А сколько еще впереди...

— Юля!?

— Извини.

— Дай его телефон.

А почему и нет? Булат — владелец брокерской конторы, клиент состоятельный. Почему бы не помочь Глебу. Хотя бы так.

— Сейчас пришлю.

— Спасибо, Юлечка. Напомни мне, как его зовут полностью?

Каждое слово, как тяжелая капля. Медленно, увесисто. И все равно — с наслаждением.

— Самойлов. Глеб. Николаевич.

* * *

— Глеб Николаевич?

— Да, слушаю, — отрывисто.

— Меня зовут Булат Сабанев. Мне порекомендовала к вам обратиться Юлия Джириева.

У него из рук выпадают ножницы, которыми он разрезал повязку.

Кивает процедурной сестре, отведя трубку в сторону: — «Заканчивай сама». И выходит из кабинета.

— Да, я вас слушаю!

— Мне консультация нужна. По поводу травмы колена.

— Травмы?.. — растерянно. Он не ожидал такого. — Ну да, конечно...

— Когда можно подъехать?

— Ну, сегодня, например. Я дежурю, вечером в приемное подъезжайте. Третья городская. Найдете?

— Найду.

— Приедете — позвоните.

Отбой. Смотрит недоуменно на телефон. Что это? Зачем она это сделала? И, внезапно, озарением: «Тебе показали на твое место, Глеб Николаевич». Во рту горько.

* * *

— Ну, что у меня, доктор?

— Трудно сказать... МРТ[1] нужно делать.

— А снимок рентгеновский?..

— Да что нам рентген? — хмыкает Глеб. — Перелома нет, это и так понятно. А что там с менисками и связками — это только на томографе видно. Похоже на разрыв мениска. Но без МРТ точно это утверждать нельзя.

— Ну, если надо...

— Надо, Булат. Есть у нас замечательный специалист. На МРТ уже лет пятнадцать работает. Специализируется именно на менисках — собаку на них съел, простите за сравнение. Если хотите...

— Хочу.

— Но только платно. К нему бесплатно очередь на год вперед расписана. Да и платно тоже на месяц-два забито.

— А раньше никак?

— Попробуем. Позвоню завтра, попробую договориться.

— Спасибо.

* * *

— Глеб Николаевич, можно? — Сабанаев заглядывает в кабинет.

— А, Булат... Добрый день, проходите, конечно. Ну что, удачно съездили?

— Ну, как сказать...

— Не попали к Коробейникову?

— Почему, попал. Вот, — Булат протягивает упакованные в мультифору результаты обследования, — только время неудобное, три часа, посреди дня. Еле вырвался...

— Булат, вы занятой человек?

— Разумеется!

— Вот и доктор Коробейников — очень занятой человек. Нам повезло, что вообще сумели попасть так рано, — тон у Глеба резкий. — Ради собственного здоровья стоит один раз пренебречь интересами бизнеса!

— Да, конечно, — Булат слегка огорошен таким тоном собеседника. — Извините, вы правы.

Глеб хмурится, читая результат и разглядывая снимок с томографа. Булат не выдерживает:

— Доктор, что там?

— Вам Сергей Павлович разве не сказал?

Булат вздыхает.

— Разрыв, говорит.

— Разрыв, все верно. Да нехороший такой, — ощупывает ногу. — Как колено? Болит? Динамика есть — больше, меньше?

— Болит, доктор. И стало хуже.

— Сейчас явно жидкость в суставной чаше. Кровь же была?

Откачивали?

— Да.

— Много?

— Эээээ, — морщится, вспоминая, Булат, — два шприца вроде.

— Я сейчас уберу жидкость — посмотрим, что там... Но, судя по характеру разрыва и вашему самочувствию — думаю, надо оперировать.

— Как скажете, доктор. Я вам целиком и полностью доверяю.

Кстати, сколько я вам должен?

— Нисколько. Операция платная будет, но это через кассу, — между делом, Глеб готовит инструменты.

— Глеб Николаевич, ну так нельзя! Вы на меня время тратите!

Давайте я вас как-то...

— Нет! — резко. — Так, Булат, лежите спокойно. Сейчас будем жидкость убирать.

* * *

— И все-таки, доктор, примите вознаграждение. А то мне неловко...

— Я сказал — не нужно! Вы же от... — сбивается ненадолго. И потом, вполголоса: — Как... она?

— Кто «она»? — Сабанаев осторожно опускает ноги с кушетки.

— Юля...

— А... да мы с ней уже несколько месяцев не виделись. Вроде бы все в порядке у нее...

И я ее не видел несколько месяцев. У нее все в порядке? Я рад. Нет, я не рад! Я хочу, чтобы она страдала — так же, как и я! Чтобы не спать по ночам, и чтобы так же вокруг все параллельно, а тебе говорят — «Не валяй дурака», а ты можешь только в ответ пару слов без падежей. Как ей? Так же? Как оно живется — когда вокруг только ты?..

Булат задумчиво смотрит на стоящего у окна доктора Самойлова. Мрачный, небритый, глаза красные, воспаленные — видимо, от бессонницы. Да, умеет Юлька мужиков до цугундера доводить.

— Глеб Николаевич! Вы волшебник!

— Угу. Гудвин великий и ужасный. Ну-ка, еще пройдитесь... Так, ну что ж... Неплохо. По-моему, уже можно и без трости ходить.

— Можно, — улыбается Булат, — но жалко такой красоте пропадать. Опять же, не поверите, но — девушки внимание обращают.

Глеб скупно улыбается.

— Ну, что, доктор, я имею намерение с вами рассчитаться!

— Стреляться будем? — Глеб усмехается, параллельно что-то размашисто записывая в историю болезни.

— Ну, Глеб Николаевич?! Вы меня в неловкое положение ставите. Вон сколько времени на меня угробили.

— Денег не возьму. И давайте не будем об этом.

Булат театрально вздыхает.

— Без ножа режете... А если нам в ресторан закатиться, а, Глеб Николаевич? Посидеть, выпить? За здоровье, так сказать?

Глеб задумчиво морщит лоб. Выпить?.. Даже не так — напиться. Он ведь себе не позволял, ни-ни... Знал: начнет — остановиться не сможет. А вот так... в компании человека, который знает Юлю. С которым о ней можно поговорить. А, помирать — так с музыкой!

— Согласен. Но с условием — никаких суши-баров.

— Да упаси Бог, Глеб Николаевич! Что ж я, враг какой! Будем кушать хорошо прожаренное сочное мясо. Под водочку. Вы как, пьете водочку?

— Пью.

— Ну, вот и договорились!

Рукопожатие.

Которое спустя семь часов превращается в крепкое мужское объятие.

— Хороший ты мужик, Глеб. Вот хороший прям... вот какой!

— И ты хороший мужик, Булат, хоть и казах.

— Я не казах.

— Ну, киргиз.

— Николаич, але! Я калмык.

— Угу. Друг степей... и шахматной короны...

— Ах ты ссссука... Дай поцелую.

— Лучше налей.

А вторая бутылка заканчивается, между прочим...

— Булат, скажи... у тебя было с ней что-то? Только честно!

— Честно... Да нет... Ухаживал за ней, было дело... еще в студенчестве, — Булат задумчиво подпирает рукой голову.

Мечтательно: — Эх, было времечко...

— И что?!

— Что, что... Безо всякого намека на взаимность, увы. Даже поцеловать себя не дала ни разу, не говоря уж о большем.

— Я тебе дам «большее»! — демонстрирует Глеб кулачище. — Убью!

— Чего граблями размахался? — недовольно морщится Булат. — Не жалко будет результаты собственной работы угробить? Только-только на ноги меня поставил?

— Жалко... Хорошо мы с Максом тебе колено починили.

— Вот-вот. А ты — «Убью». Да и не все ли тебе равно? Теперь-то, когда у вас все...

— Нет!!! — орет и кулаком по столу. Дружно подпрыгивает, звеня, посуда, падает на пол вилка. За соседними столиками тоже — кто-то подпрыгивает, кто-то просто вздрагивает. Возле столика молниеносно материализуется официант.

— Просим прощения за шум, — извиняется, подняв руки, Булат. — Товарищ погорячился. Мы больше не будем.

— Глебыч, ты чего?! Чего буйнишь? Чего «Нет»-то?

— Не все!

— Ты ж сам сказал, что у вас все кончилось...

— Но мне не все равно!

— Из-за чего хоть?

Глеб наливает еще водки, выпивает, не закусывая. Не берет его сегодня. Или это ему кажется?

— Козел я...

— Ну, да, конечно...

— Не, правда, Булат, козел... редкий...

Роняет голову на руки.

Булат меланхолично жует последний маринованный груздь и размышляет. Редкий, ага. В красную книгу занесенный. Юльку он неплохо знает, и характер у нее... Красавица, умница... и при этом стерва редкостная. Что там у них случилось, он, конечно, не знает, а Глеб не рассказывает, но без Юлькиного активного участия не обошлось, это точно.

Булат смотрит на рыжую макушку Глеба. Нажрался, подлец... Как же я тебя, такого лося здоровенного, домой потащу?

Глава 13. Верхом на радуге или зачем Хеймдаллю золотые зубы

Хеймдалль— страж богов, охраняющий мост-радугу Биврёст на границе Асгарда и Мидгарда от великанов-ётунов. Он видит и днем и ночью на расстоянии ста миль и слышит, как падают листья, как растёт трава в поле и шерсть на овцах. Он надежный стражник, поскольку совсем не нуждается во сне. Также, возможно, он был «прародителем человечества».

Его зубы из чистого золота, а у его пояса висит золотой рог Гьяллархорн, звук которого будет слышен во всех уголках мира. Звук его рога возвестит о начале Рагнарёка.

— Что, это так просто?

— А это кажется простым?

— Ну, ты ничего не сделал и... Ты, правда, за день заработал пятнадцать тысяч?

— Это немного.

Глеб неверяще качает головой и потрясенно смотрит на экран ноутбука.

— Да за что? Как?

— Деньги должны работать — это же азы экономики.

— И много у тебя там работает?

— На РТС? Трешка крутится.

— Три тысячи?

Булат хохочет.

— Чудак-человек. Три миллиона. Российских деревянных.

— Ну, да, конечно... Как всегда... Нужны миллионы...

— Иначе никак, Глебыч. Без старт-апа нельзя. Это ж азы экономики...

— Что все заладил — азы да азы... — морщится Глеб. — Что, простым смертным это недоступно?

— Почему? Доступно. Мы вон семинары проводим регулярно. По обучению игра на бирже.

— Семинары... А мне нельзя... персональных занятий? — смущенно спрашивает Глеб. — Как особо... «одаренному»... лоху?

— Глебыч, да для тебя — все что угодно! Что, попробовать хочешь? Научиться?

— Хочу.

— Да не вопрос. Но старт-ап все равно нужен.

Глеб в задумчивости трет лоб.

— Есть у меня... идея.

* * *

Мать была только рада, что он переехал жить к ней. А вот от идеи продать квартиру Глеба пришла в ужас. Да еще чего ради — в какие-то авантюры ввязаться! Но Глеб уперся и сделал по-своему. Продал квартиру, продал мотоцикл. И засел за компьютер.

Булат стал у них дома частым гостем — уж больно душевные пироги пекла Валентина Ивановна. Так вот, под пироги и пиво, и проходило обучение доктора Самойлова совсем не медицинской науке — игре на бирже.

* * *

— Глеб, вот скажи мне — почему?

— Ну, мне показалось...

— Перекрестился?

— Сабанаев, чего пристал?!

— Я! Не! Понимаю! Откуда ты знал?!

— Ну... я почитал аналитику... потом по телевизору в новостях услышал... а еще к матери соседка приходила...они там на кухне говорили...

— Ты покупаешь акции, исходя из того, что сказала ваша соседка?!

— Да нет! — Глеб с досады от невозможности объяснить запускает руки в волосы. — Ну, просто... Все как-то вместе сложилось... И я подумал... и купил.

— Что ты подумал?

— Не знаю, бл*дь! Подумал, что нужно купить! Именно эти фьючерсы.

— Ты собака, Самойлов! Натуральная собака! Рыжая! Все понимаешь, а сказать не можешь! Ну, что, поздравляю тебя...

— А что голос такой похоронный?

— Ты, падла, гений! Без всякого образования... Интуит хренов. Я завидую.

— Правда?

— Нет. На самом деле, я за тебя очень рад, Глеб. Если это то, что тебе действительно нужно.

Откуда он знает — нужно ему это или нет? В материальном плане — безусловно. И так — адреналина он хапнул, когда в эту авантюру ввязался... Зато теперь... Увлекательное это дело, нервы щекочет. И получается ненадолго забыть...

* * *

— Глеб, здравствуй!

Его тошнит уже от одного звука ее голоса. Выдыхает шумно, пытаюсь справиться с собой. В конце концов, в первую очередь, виноват он сам. Взрослый мужик, понимал, что делал. Но слышать ее не хочет!

— Что тебе нужно?

— Глеб... — Оксана растеряна. Тот эпизод был, конечно, весьма неприятен, но уж столько времени прошло, пора бы и забыть... — Ты сердисься на меня, что ли? До сих пор? Из-за того?..

Он закрывает глаза. Кулаки сжать, разжать, несколько раз. Только бы не сорваться.

— Просто... скажи... что тебе нужно!

— Ну, знаешь ли! — не выдерживает она. — Хамить не надо! Что ты о себе возомнил? Сережка приезжает, собираемся встретиться группой, узким составом. Выпить, пообщаться. Не желаешь?

— Я твоим обществом сыт! По горло! Того раза хватило!

Бросает трубку. Почти сразу становится стыдно. Ну что он, в самом деле. Как ребенок. Разбил свою жизнь он самолично: мог все это тогда прекратить, сразу. А Оксана виновата лишь в том, что присутствовала при крушении его мечты. Но ему остро нужно кого-то еще ненавидеть. На его одного этой ненависти, жалости и презрения слишком много.

* * *

— Глеб Николаевич, за старшего в лавке остаешься. Я уезжаю. Симпозиум костоломов.

— Сергей Ильич, — привычно занял Глеб, устраиваясь напротив стола заведующего отделением, — ну что сразу я? Вон Алексей Михайлович — он и старше, и опытней.

— Так! Объясни-ка мне, любезный! — Колесников-старший обошел стол и, подойдя к двери кабинета, щелкнул замком. Ничего хорошего такое начало разговора не сулило. — Ты у нас холостой? Холостой! Живешь с матерью, стало быть — накормлен, обстиран. Женской лаской не обделен, я не слепой. Куда тебе энергию девать, коню такому?

Глеб молчит, ошарашенный таким поворотом разговора. Потом собирается с мыслями и пытается снова высказать то, что пришло в голову.

— Ну, Алексей Михайлович во всей этой бюрократии всяко лучше меня разбирается...

— Может, и разбирается. Но не он же будущий заведующий травматологическим отделением.

Смысл сказанного до Глеба доходит не сразу. А потом — поток бессвязного:

— В смысле? Как? Когда? А кто?.. Я не понял...

— Все ты понял, — досадливо морщится Сергей Ильич, — не включай дурачка, все равно не верю.

— Я, правда, не понимаю...

— Глеб, то, что я тебе сейчас скажу, должно остаться между нами. Что-то потом станет известным само собой, а об остальном, надеюсь, ты не станешь распространяться. Верю в твою порядочность.

Самойлов медленно кивает в ответ. Ему категорически не нравится тон заведующего и общее направление беседы.

— У меня диагностировали деформирующий артроз кистей, — неожиданно, как обухом по голове. — Как сам понимаешь, оперировать мне с таким диагнозом нельзя. Да я и не могу уже. Не хочу рисковать. Сам, наверное, заметил, что я в операционной уже несколько месяцев не появляюсь.

Глеб мычит что-то неразборчиво. Занятый своими внебольничными делами, он как-то упустил из виду все, что не касалось его непосредственной работы в отделении. А ведь правда... Раньше он регулярно ассистировал старшему Колесникову — у него стоило учиться, хирург-травматолог от Бога.

Собирается наконец-то с мыслями.

— А это точно деформирующий артроз? Может, ревматоидный артрит?

— Не учи батьку детей делать! — рявкает заведующий. — Мне диагноз поставили специалисты в этом деле, не чета тебе!

— Извините...

— Да, ладно, ты тоже... извини меня. Я... Впрочем, не о том сейчас речь. Работать заведующим травм. отделением, не будучи при этом оперирующим хирургом — это не по мне. Неправильно. И... так тут обстоятельства сложились... Кадровые перестановки там наверху, слышал, наверное?

— Слышал.

— В общем, ухожу на административную работу. Мне предложили должность зам. главврача по лечебной части.

— Них**себе!! — непроизвольно вырывается у Глеба. Такое развитие событий в отделении не предполагал никто. Все были твердо уверены, что только-только отметивший пятидесятилетие талантливый врач и хороший организатор Сергей Ильич Колесников просуществует в должности заведующего отделением еще с десяток лет. Зачем что-то менять? От добра добра не ищут. И вот вам, пожалуйста...

— Самойлов, за базаром следи, — не зло осаживает Глеба заведующий.

— Извините, — в который раз повторяет тот.

— Так что, возвращаясь к нашим баранам — учись принимать дела.

— Да почему я?! — уже взвыл Глеб.

— Я так решил.

— А Алексей Михайлович?..

— Да что ты заладил — Алексей Михайлович, Алексей Михайлович... Он человек... консервативный... и медленно думающий... При нем тут болото будет.

— А при мне — фейерверк!

— Так, Самойлов, не вынуждай меня начинать петь тебе хвалебные оды!

— Я не...

— Глеб Николаевич! Ты врач хороший, сам же тебя всему учил. И человек ответственный. В голове у тебя порядок. А самое главное, знаешь, что?

— Что? — мрачно переспрашивает Глеб.

— Человек ты равнодушный. За дело болеешь.

— Вот так всегда... Ни одно благое дело не должно остаться безнаказанным.

— Не ной! Раз до сих пор не ушел, значит, не можешь по-другому. Глеб вздыхает. Колесников знает его как облупленного, не обманешь.

— Не могу.

— В таком разе, прекрати ломаться, как девственница на первом свидании.

— А Макс? — с угасающей надеждой спрашивает Глеб.

— Не смей меня, — морщится Колесников. — Если он мой сын, это еще не значит... Парень он толковый, но ветер еще в голове.

— А у меня, значит, нету ветра в голове?

— Так, все хвалить тебя больше ну буду. Надоело. Давай уже, Глеб, принимай по-мужски то, что тебе положено.

— А и вправду — не положить ли на это все?..

— Глеб! Не зли меня! Я на тебя рассчитываю. Ты ж не всерьез?
Вздыхает.

— Выбора у меня нет, я так понимаю?

— Нет. Ничего, сдюжишь. Вон какие плечищи себе отрастил — халаты рвутся. Да и не за тридевять земель ухожу — в соседний корпус. Если что — помогу.

* * *

— Так, Пипеткин, что за дела?!

— Я ж вроде Пилюлькин был?..

— Какая, нах*р, разница?! Глебыч, какого черта вчера не приехал? Мои ребята тебя ждали!

— Булат, извини... Дела срочные...

— Какие у тебя, нахрен, дела?!

— Тебе напомнить? Я, между прочим, заведующий отделением! И у меня, между прочим, дел до х*ра!

— Глеб, ну мы же договаривались...

— Я извинился. Не мог. Никак. И позвонить не мог. Вопрос был срочный.

— Что у тебя там может быть срочного?

— Проверка из Фонда — это раз. Операция. Срочная. Это два. Мои архаровцы парню после аварии ногу попытались спасти. Не получилось. Сепсис. Чуть не потеряли. Пришлось экстренно выправлять ситуацию.

— Удачно хоть?

— Угу. Ногу по самые трусы оттяпал.

— Глеб?!

— Ты сам спросил...

Булат качает головой. Вот сколько лет он уже Глеба знает? Года три, наверное. И за это время он стал ему настоящим другом. И все-таки он никак не мог привыкнуть... Что этот человек, которого он когда-то учил играть на бирже, который теперь сам время от времени консультировал его ребят, с которым он выпил вместе не один десяток литров пива и не только пива... И этот же самый человек запросто отрезает людям ноги. И делает прочие недоступные его пониманию вещи. Хотя... кто-то же должен это делать...

— Я смотрю, ты совсем к нашему непростому делу охладел? Что, после того, как заработал себе на квартиру и BMW — уже не так интересно?

— Интересно заработать первый миллион. Потом — рутина.

— Ах ты, акула империализма! — фыркает Сабанаев.

— От акулы слышу. Ладно, созвонимся. Ко мне пришли.

В дверной проем протискивается сестра-хозяйка.

— Глеб Николаевич! Ну, помогите! Никакой управы на этого ирода нету!

— Ирод — это кто?

— Да, Евгений Геннадьевич, чтоб ему пусто было! Со свету меня сживет со своими требованиями бесконечными!

Глеб вздыхает. Вот они, будни зав. отделением. Ни разу не скучно.

* * *

Вещи бросил прямо на пол в коридоре. Устал смертельно. Прошелся по пустым комнатам. Переехал всего месяц назад, руки так и не доходят заняться покупкой мебели — кровать только вот приобрел, да еще так — по мелочи. Матушка все пилит, действительно, она права — надо выкроить время.

Он бы так и жил с матерью — его все устраивало. До поры до времени. Сначала все было замечательно, да и уходить ему было уже некуда. А потом началось.

— Глебушка, познакомься, это Кристиночка. Пойдемте, чаю попьем с пирогами

....

— Глеб, у Анны Тимофеевны такая дочка симпатичная. И тоже врач, как и ты.

— Да ну? — не отрываясь от компьютера.

— Да. Врач-косметолог. Они к нам на обед придут в субботу.

— Я дежурю.

— Ну, значит, — не сдается мать, — в воскресенье.

....

— Сынок, у нашей соседки, Наташи, кран течет.

— Пусть слесаря из ЖЭКа вызовет.

— Да там, может, ничего серьезного...

— Мам! — взрывается Глеб. — Я врач, а не сантехник!

— Ты мужчина, — вздыхает мать, садится рядом, складывает руки на коленях. — Очень внуков хочется, сынок.

А ему хочется биться головой о стену.

Поток этих матримониальных поползновений матери можно было прекратить одним-единственным способом. И он купил квартиру. На этот раз уже в новом доме, двухкомнатную, с модной планировкой. Только вот обжить ее никак не получалось. Машенька, предательница, осталась с матерью.

И вечерами ему совсем не хотелось возвращаться домой. В пустую гулкую квартиру. Задерживался допоздна на работе, благо новая должность — даром, что полгода уже на ней мается, а все привыкнуть не может — давала для этого кучу поводов.хлопот и проблем столько, что все никогда и не переделаешь.

Раньше домой его тащило желание побыстрее сесть за компьютер и начать трепать себе нервы, рискованно, ох, как рискованно играя на бирже. Сколько раз его за это Булат пилил! Но Глеб ни разу не прогорел по-крупному. Мелкие просчеты были, но в целом... Он заработал денег. У него собственная вполне приличная квартира в престижном районе. У него дорогая машина. На бирже крутятся деньги, вложенные в надежные «голубые» фишки. Острота ощущений, желание доказать, прежде всего, самому себе, что он может — все это ушло. Что осталось? Ни-че-го. Разве что — он научился как-то существовать, не вспоминая о ней ежедневно, еженощно, ежечасно. За три года — сомнительное достижение. Но уж какое есть.

Глава 14. Последняя остановка — Гимле (не путать с Гимли!)

ГИМЛЕ или Вингольв — в германо-скандинавской мифологии прекрасный чертог, куда уходят души умерших (в переводе «защита от огня», «чертог блаженства»). Он считался более высокой наградой, чем Вальгалла. По легенде во время Рагнарека только Гимле не тронет огонь Сурта.

Она задерживается на работе, чтобы переждать пробки. Не любит стоять в пробках. А кто любит? Никто. Уж лучше она поработает. Дела есть всегда.

Да кого она обманывает? На работе задерживается, чтобы не ехать домой. Что там делать? Потолок изучен до последней микроскопической трещинки. Телевизор вызывает глухое

раздражение. Компьютер надоедает за рабочий день до изжоги. Что делать? Что угодно, лишь бы не жалеть себя!

И не давать никому жалеть себя. Пару месяцев назад к ней по делам заезжал Сабанаев. Сидели в кабинете, пили кофе. Булат трещал как сорока, а у нее осталось четкое ощущение, что он хочет ей сказать что-то важное, а вместо этого — говорит о всякой ерунде. Во время разговора заходил шеф, что-то ему нужно было от Юли.

А после ухода Тихонова Булат сказал уж совсем несусветное:

— Юль... По-моему, тебя уже даже твой начальник боится...

После этого она Сабанаева практически выставила. Нечего всякую чушь нести и смотреть на нее, не пряча жалости во взгляде. Ей это не нужно!

Воспоминания о визите Булата портят и без того не радужное настроение.

Смотрит на часы. Так, ну что ж, можно ехать домой. Да нет, не «можно». Нужно. Нужно ехать домой.

На полупустой парковке сигнально-оранжевая машина более чем заметна. Свой Мерседес Юля продала. Месяц промучилась и продала. Слишком много тяжелых воспоминаний связано. Каждый раз, глядя через лобовое стекло, она видела его лицо. И это было невыносимо.

Продав Мерс, Юля в ближайшем к дому автосалоне купила себе бюджетную Opel Astra. Да, для ее статуса не совсем то, но ей по фигу. Зато цвет... В природе оранжевый цвет предупреждает о том, что обладатель его, как правило, ядовит, и как следствие — в пищу непригоден. Не трогайте меня. Я ядовитая и совершенно несъедобная. Подавитесь.

Потихоньку едет в уже порядком истончившемся потоке машин. Надо что-то приготовить на ужин. Не хочется, ничего не хочется. Бокал коньяку вместо ужина? Такая перспектива кажется весьма соблазнительной. А потом внезапно вспоминает — двадцать девятое! Сегодня — двадцать девятое... проклятое двадцать девятое. Каждый месяц... вспоминала... не давала себе забыть. Тот день, когда она собственными руками похоронила свою любовь и надежду на счастье. Была ведь надежда? Была. А она... она... сцепляет зубы и зажмуривается от острой ненависти к себе, собственной глупости. Горе от ума. Как можно было ТАК поступить со своей любовью?! Упустить шанс, она была уверена — единственный шанс, быть рядом

с тем, кто предназначен тебе. С губ срывается стон бессильной злости. На себя злости, только на себя...

А вот не надо было зажмуриваться, когда ты за рулем! Даже ненадолго, даже на секунду. Глаза открывает и успевает заметить два ярко-красных стопа практически уже перед капотом. Педаль тормоза в пол, да толку-то? Глухой удар, по счастью, не сильный. Но все равно — сухой треск чего-то там ломающегося, понятно, впрочем, чего — бамперы, фары...

Из черного джипа впереди вылезает здоровенная мужская фигура в темном пальто. Юля пытается разглядеть, что ж она там «поцеловала». BMW, X3 или X5. Под стать водиле, который со всей силы хлопает дверью автомобиля, раздраженным движением закидывая шарф за спину.

Страшный серый волк... Сейчас будет высказываться на тему женщин за рулем. Да и пофиг. Или поругаться с ним? Хоть какое-то развлечение... С этой мыслью она выходит из машины.

Очередной мозговывносительный день завершился совсем уже неожиданно. Неприятно-неожиданно. Глядя в зеркало заднего вида на ярко-оранжевую машину, догнавшую его перед пешеходным переходом, Глеб был уверен — за рулем... дама, скажем так. Вот зараза! На улице холодно, промозгло... Устал, как собака, голодный тоже как собака, в кои-то веки хочется домой, а теперь вместо этого черт знает сколько времени придется потерять, дожидаясь приезда служивых и оформления всяческих бумажек... Ну почему нельзя было, купив права, прикупить заодно и немножко мозгов? Он злой просто до черта! И не настроен быть вежливым и корректным. Скажет все, что думает.

Они стояли возле ее машины и смотрели друг на друга. Два неглупых человека с высшим образованием. За плечами — три года одиночества друг без друга, вышептанных в пустоту слов, пролитых в подушку слез. Три бесконечных года и все, что они могут сказать другу:

— Глеб...

— Юля...

Одновременно. И смотрят друг на друга, не отрываясь.

Ты стал еще шире в плечах. Или это из-за пальто? Шикарное пальто, кстати. Стильное, дорогое. Не брит. Рыжая щетина, колючая, она помнит. А стрижка все та же, при которой и расческа не нужна. Только вот глазами ты улыбаться перестал.

Бледная. Почти такая же, как при их первой встрече. Губы без помады. Горькие складки в уголках. А когда ты была со мной, был и румянец на щеках, и улыбка на этих красивых губах. А вот морщин в уголках рта и глаз — не было.

Смотрят. Не в силах оторвать друг от друга взгляд. Не могут насмотреться.

И все же она первая отводит взгляд. Смотрит на его машину. Нервно прокашливается.

— BMW. Хорошая машина. Откуда?

Сама тут же морщится. Ой, какой бестактный вопрос. Какой вопрос, такой и ответ.

— Угнал.

— Глеб, извини, я не...

— А ты, по-моему, не очень выгодно машину поменяла, — перебивает ее он.

— Что? — растерянно. — А ты, про эту... Я не могла... Я не... В общем, так получилось.

Молчание на дороге, в потоке объезжающих их машин быстро становится неловким. И первая не выдерживает она.

— Глеб, надо комиссаров вызвать...

— Что?

— Ну, надо ж как-то ситуацию, — кивает головой в сторону машин, — разрешить.

— Ситуацию разрешить? — переспрашивает он недоверчиво. — Ну да... Знаешь, что? — вдруг резко, решившись. — Без комиссаров разберемся. Поехали!

— Куда?

— Ситуацию разрешать! Садись, — кивает на ее машину, — и езжай за мной.

Ей почему-то даже не приходит в голову с ним спорить.

Ехала, предельно сосредоточившись на управлении машиной. Чтобы не думать ни о чем. О нем, о том, что он хочет ей сказать, о том, что она может сказать ему.

Престижный район, новый дом. Глеб подходит к ее машине.

— Пойдем?

У нее возникает не поддающееся никакому рациональному объяснению чувство, что сейчас он возьмет ее за руку. Но нет. Идут рядом, не касаясь друг друга.

Ему впервые стыдно за то, какой у него дом. Полупустая квартира, почти без мебели, и при этом все равно — бардак, потому что некогда. Раньше, в те благословенные времена, когда они были вместе, он, дурак, бардаком в квартире перед ней бравировал. Теперь же — действительно стыдно. Если б он только знал, если бы он мог предположить...

Забирает у нее плащ, мечется по квартире в попытках его где-то разместить, нормального шкафа с плечиками у него до сих пор нет. В итоге — аккуратно раскладывает на кровати. Пусть хоть плащ ее... Возвращается в гостиную, видит — Юля стоит посреди комнаты. Блин, даже предложить сесть некуда! Если только...

Узенький диван, который ему всучила матушка, столик на колесах. Черт, надо же угостить чем-то... Чаю... даже сахара дома нет!

Неожиданно вспоминает — ему ж вчера кто-то из пациентов презент вручил! Он даже не заглянул в пакет, что там.

А в пакете очень кстати оказывается бутылка Otard V.S.O.P.

Он торопливо ищет бокалы — надо же, даже есть специальные, коньячные. Откуда? Не помнит. С бокалами в руках подходит к сидящей на диванчике Юле. Места там не очень много. Ничего, он постоит.

А она подвигается в сторону, кивая. Что он, дурак, что ли, чтобы отказываться? Садится рядом, так головокружительно близко к ней. Бокал ей отдать, пока не расплескал. Руки дрожат какого-то черта.

— Глеб, я же за рулем...

И пофиг! Выпей и останься у меня! Как бы он хотел иметь право сказать ей это... Вместо этого:

— Чуть-чуть. Не страшно. Можно же... за встречу.

Отпивают. Она — глоток, он — залпом, как водку. Коньяк не больно обжигает желудок, мягким огнем согревает. Сейчас он придумает и скажет что-то умное. Что-то стоящее. Да хотя бы что-нибудь. А вместо этого...

Она поднимает взгляд, до этого момента старательно упертый в дно бокала в руках. И он ловит этот взгляд. И уже не может отпустить его. Тонет в этих прозрачных светло-голубых родных... Какого черта!

В одно движение руки сметает в сторону столик, падает на колени перед ней, лицом в тонкую юбку. Тогда это надо было делать, тогда надо было на колени вставать и прощения просить, вымаливать, тогда! А сейчас он просто прижимается к ее острым коленкам лицом. И никакая сила не сможет его заставить оторваться от них.

Пальцы легко касаются его волос. Потом, осмелев, привычным и незабытым движением — ото лба к макушке. Смотрит заворуженно, как жесткие «рыжики» упрямо возвращаются на место. И имя его, как заклинание, как молитву:

— Глеб... Глеб... Глебушка...

Глеб поднимает голову. Он стоит на коленях, она сидит на диване. Но лица — близко, рядом. Обхватывает ее лицо руками, большими пальцами ловит слезинки. Говорить не может. Только притянуть к себе и — поцеловать.

А она — руками за большую широченную спину. Губы его твердые на ее губах. И щетина. Колючая. Родная.

У него дрожат руки. У нее — губы. Но он все равно держит ее дрожащими пальцами за локти, боясь отпустить. И, боясь упустить, торопится сказать, пока еще видит в ее глазах отблеск тех самых, давнишних, чувств:

— Юленька, прости меня...

— Не надо...

— Надо. Прости меня. Пожалуйста.

— Давно уже, — рукой гладит колючую щеку.

Его судорожной вздох в ее прижатые к его лицу ладони.

— Юля... Как же мы так?..

Всхлипывает.

— Не знаю.

Он не выдерживает, снова со стоном — ей в губы. И шепчет вперемежку с поцелуями и ее слезами:

— Не плачь... Не надо... Какая разница... Это уже не важно...

Она эхом, неловко и тоже дрожащими пальцами расстегивая первую пуговицу на его рубашке:

— Не важно...

А что важно? Вдохами, выдохами:

— Люблю тебя.

— Люблю тебя.

* * *

Постигает ее медленно, сантиметр за сантиметром, вспоминая, какая она — узенькая, влажная, обжигающая.

— Быстрее! — стонет она на выдохе.

— Юленька... — ответным стоном. — Маленькая моя... Я боюсь... сделать тебе больно.

— Не бойся...

Она хочет его — внутри, совсем, полностью, до боли. Пусть. Выгибается навстречу. А он что? Он же не железный, он живой. И он подается ей навстречу. Оказываясь внутри, совсем, полностью. А вот боли нет. Только сладость обладания и единения.

* * *

— Даш, привет.

— Так, Глабадий, если вопрос срочный, то биссстро, отшень биссстро. В операционную бегу.

Дашка в своем репертуаре... Даже не поздоровалась. Ну, если отшень биссстро...

— Мы беременны.

Неясный шум в трубку.

— Самойлов, твою мать! Чуть не упала!

— Ты сама просила биссстро.

— Как ты... Ты ж не женат, вроде?

— Женюсь, женюсь. Какие могут быть игрушки...

— Хм... Ну, если беременны — будет тебе игрушка... Через несколько месяцев.

Глеб довольно хохочет.

— Слушай, я тут уже до операционной дотопала. Ну ты даешь... Как зовут хоть счастливицу?

— Юля.

— Юля, значит... Глеб, я тебе перезвоню потом, ага? А то у меня уже женщина на столе лежит. И, знаешь, что?

— Что?

— Я за тебя рада. Очень.

— И я за себя очень рад.

Нажимает отбой.

— Все, Юль, у тебя есть самый лучший на свете доктор.

— Есть, — утыкается ему губами в шею. — У меня есть самый лучший на свете доктор.

Глеб счастливо смеется.

— Я не себя имел в виду, — обнимает ее, теплую, нагую, прижимает к себе крепче.

— Ты, правда... рад?

— Я люблю тебя, дурочка.

— Я не дурочка. Я заместитель директор банка!

— Ты дурочка. И я дурак. Но у нас получилось... Вовремя спохватиться.

— Правда. Получилось, — она прижимается к нему еще плотнее.
— Юль... — шепчет ей в висок: — Давай сына Николаем назовем.
В честь деда.
— А если девочка?..
— Ну... — Глеб начинает медленно целовать, двигаясь от виска к губам, — непросто будет девочке с таким именем.
Ловит губами ее тихий смех.
У них получилось. Все.
МоралитЭ.
Бывают обстоятельства. Бывает невзаимность. Бывает быт.
Непонимание. Деньги. Работа. Обязательства. Гордость. Конфликты.
Усталость. Все бывает.
Но одно прошу, умоляю, заклинаю помнить.
Не отрекаются, любя.

Примечания

1

МРТ — Магнитно-Резонансный Томограф, очень востребованный в диагностике прибор.

(обратно)

Оглавление

Глава 1. Танец валькирий

Глава 2. Локи

Глава 3. Светлоокая Брунгильда

Глава 4. Кольцо Нибелунга

Глава 5. Копье Зигфрида

Глава 6. Гибель богов

Глава 7. На драккарах

Глава 8. Похороны вождя

Глава 9. Рагнерек

Глава 10. О чем знают норны

Глава 11. Все дороги ведут в Нифльхейм

Глава 12. Охота Одина

Глава 13. Верхом на радуге или зачем Хеймдаллю золотые зубы

Глава 14. Последняя остановка — Гимле (не путать с Гимли!)